An abstract graphic featuring a central point from which several rays of light emanate. The rays are colored in bright yellow, cyan, magenta, and green, creating a starburst effect. The background is a solid light blue.

ФАРБЫ ПАРАЛЕЛЬНАГА СВЕТУ

Мікола Дзядок

ФАРБЫ ПАРАЛЕЛЬНАГА СВЕТУ

Мікола Дзядок

ЗМЕСТ

4	Уступ
8	Спіс скарачэнняў і жарганізмаў
12	ШІЗА
24	Опер
34	Рэжым
50	Неприкасаемые в тюремной иерархии
79	Запах
84	Бунт против божественной иерархии в древнегреческой мифологии
102	Божая кара
105	Маўглі
113	Улетевшие
128	Жыццё цудоўнае
132	Адкрыты ліст
140	Крайняя мера
155	Заканчэнне

Уступ

Яшчэ ў дзяцінстве ва ўступе да нейкага твора я прачытаў трапную заўвагу: «Варта інтэлігенту правесці ноч у паліцэйскім участку, як ён адразу напіша пра гэта кнігу». Не ведаю, ці магу лічыць сябе інтэлігентам, ды і ў кіпцюрах Сістэмы я правёў нашмат больш, чым адну ноч, але гэта выказванне здаецца мне даволі ўдалым. Сапраўды, турма, няволя і ўсё, з ёй звязанае, даюць чалавеку такую гаму пачуццяў і ўражанняў, якую ён мала дзе яшчэ атрымае. А для таго, хто прывык крытычна аналізаваць убачанае, гэта яшчэ і звышздатная глеба для назірання, рэфлексій і глыбокага роздуму.

Па задумцы, якую, спадзяюся, мне ўдасца рэалізаваць, гэты зборнік апавяданняў – толькі прамежкавы этап на шляху да больш грунтоўнага апаведу, агульны нарыс на палатне, якое яшчэ належыць запоўніць фарбамі: ён дае агульнае ўяўленне, але не дазваляе адчуць усю паўнату карціны. Такой карцінай, спадзяюся, стане ў будучыні кніга-гісторыя, якая раскажа аб маім зняволенні ад першага дня да апошняга.

Чаму ж я вырашыў напісаць «Фарбы паралельнага свету»? Па-першае, улады баяліся і баяцца агалоскі ўсяго, што робіцца ў карных установах, адмыслова робячы іх настолькі закрытымі, наколькі гэта магчыма. Гэта значыць, што агалоска можа нанесці ім рэпутацыйную і маральную шкоду. І, калі магчымасць нанесці такую шкоду ў нас ёсць, мы павінны яе

выкарыстоўваць. Кожны злодзеі імкнецца схаваць свае дзеянні ці, калі не атрымалася, апраўдаць іх чым заўгодна: законам, правам моцнага, «рэвалюцыйнай неабходнасцю», мараллю... Казаць жа праўду і выкрываць злачынствы – гэта імператыў, маральны абавязак кожнага чалавека. Па-другое, расказваць аб тым, што мы пабачылі і адчулі, важна таксама і дзеля дакументавання. Бо ніхто і нішто не вечнае. І многія ў будучыні могуць сказаць: «А мы нічога не рабілі... Мы толькі выконвалі загад», альбо: «Мы не ведалі, што гэта робіцца, а інакш абавязкова прынялі б меры!» Альбо ўвогуле пачнуць адмаўляць усё: «Гэта хлусня, не было такога! Дзе пацвярджэнні?» І калі нават над імі ніколі не адбудзецца суд народны ці нават дзяржаўны, куды больш важны суд гісторыі.

Пра турму ўжо сказана і напісана даволі многа. І часам здаецца, што тут цяжка распавесці нешта новае, бо няволя ёсць няволя, і ва ўсіх краінах свету ад дыктатур Азіі да буржуазных дэмакратый Захаду турмам уласціва адно і тое ж: адчай, азлобленасць, страх, боль, а таксама подласць і самаахвяраванне, сяброўства і здрада, міласэрнасць і жорсткасць і, вядома, інстытуцыяналізаваны гвалт, які з'яўляецца своеасаблівай мовай турмы. Ці змагу я стаць наватарам у гэтай сферы? Калі глядзець глабальна, то, вядома, не, бо беларуская турма не ёсць нечым унікальным, асабліва для постсавецкага рэгіёна, а агульная логіка і філасофія турмы, як я ўжо казаў, аднолькавыя паўсюль. Але ў лакальным маштабе, думаю, так. Без

ілжывай сціпласці магу сказаць, што мой досвед у маштабах Беларусі быў унікальны. Мае сябры і я сталі першымі анархістамі ў Беларусі з моманту атрымання ёю незалежнасці, асуджанымі да пазбаўлення волі за палітычныя акцыі. Не менш унікальнымі былі і ўмовы нашага вызвалення. Не ведаю, ці ёсць яшчэ ў сусветнай гісторыі прыклады, каб вышэйшыя афіцыйныя асобы еўрапейскіх дзяржаў, да прэзідэнтаў і прэм'ер-міністраў, да сенатараў ЗША, патрабавалі ад іншай дзяржавы вызваліць палітвязняў-анархістаў (!), асуджаных за акцыі прамога дзеяння (і, што цікава, у выніку ў тым ліку гэтых патрабаванняў мы сапраўды былі вызваленыя), прытым, што ў гэтых краінах сядзіць нямала «сваіх» анархістаў.

За пяць гадоў свайго зняволення я пабываў у чатырох турмах і трох калоніях. Такі лёс выпадае вельмі нямногім арыштантам у Беларусі. Больш за год агулам правёў у адзіночнай камеры, змог зблізу пабачыць крымінальны свет і яго прадстаўнікоў – прафесійных злачынцаў, «бродяг», як яны самі сабе называюць; стаў другім вязнем за дваццацідвухгадовую гісторыю магілёўскай крытай, асуджаным там па артыкуле 411 Крымінальнага кодэкса; адчуў на сабе ўсе без выключэння метады «выпраўлення» (ад пазбаўлення перадач да адпраўлення ў турму строгага рэжыму) і паспрабаваў усе без выключэння метады турэмнага пратэсту (ад напісання скаргаў да галадовак і членашкодніцтва). Таму я спадзяюся, што мой вопыт і тая інфармацыя, якую я вынес з засценкаў,

будуць карысныя і запатрабаваныя: камусьці для таго, каб у будучыні трываць выпрабаванні, камусьці для таго, каб не паўтараць маіх памылак, камусьці, магчыма, у мэтах сацыялагічных ці антрапалагічных даследаванняў.

З арыштанцкага жаргону ў рускую мову перайшло некалькі соцень, калі не тысяч, словаў. У беларускую мову, здаецца, аніводнага. Адпаведных жаргонных эквівалентаў «турэмным» словам ў беларускай мове не існуе (прынамсі, ніколі іх не чуў). Таму я вырашыў не вынаходзіць ровар і пакінуў арыштанцкі жаргон як есць – у пачатку кнігі вы знойдзеце невялічкі слоўнік.

Дзякуй Вам, што дачыталі да гэтага моманту. Спадзяюся, гэта невялічкая кніга будзе Вам лёгкай для чытання.

За ўзнiкненне гэтай кнігі магу падзякаваць маім бацькам і маім паплечнікам: за тое, што дзякуючы іх высiлкам, я змог выйсці на паўгода раней, чым павiнен быў па прысуду; майму выкладчыку Уладзiславу Иванову – за падбадзёрваннi і ўменне матываваць; маёй жонцы Леры – за рэцэнзiі і крытыку; падпалкоўніку ГУБАЗiК Аляксандру Георгiевiчу Лiцвiнскаму, дзякуючы помслiвасцi і нянавiсцi якога я пабываў там, дзе пабываў, і пабачыў тое, што пабачыў. Таксама хачу падзякаваць усёй карнай сiстэме ДВП МУС, татальны дэбiлiзм і антыгуманнасць якой былі і будуць для мяне крыніцай натхнення.

Спіс скарачэнняў і жарганізмаў

БМ – бяспечнае месца. Камера, звычайна ШІЗА ці ПКТ, дзе ўтрымліваюць асуджаных, якія не могуць утрымлівацца з агульнай масай зэкаў. Звычайна гэта тыя, што рабілі нейкія несамавітыя ўчынкі: кралі, не расплаціліся па доўгу і гэтак далей, але часта і ахвяры мянтоўскіх правакацый. Згодна з КВК, любы асуджаны можа быць пераведзены ў бяспечнае месца пасля пісьмовай просьбы.

Баландзёр – супрацоўнік гаспадарчай абслугі, зэк які разносіць ежу тым, хто сядзіць у камерах ШІЗА, ПКТ, крытай.

Вертухай (продольный) – турэмны наглядчык, кантралёр.

ДВП – дэпартамент выканання пакаранняў. Структура МУС, адказная за ўсе карныя ўстановы Беларусі.

ДПНК – дзяжурны памочнік начальніка калоніі. Афіцэр, адказны за шэраг адміністрацыйных спраў у зоне: пасяленне ці вывад з ШІЗА, прыём этапаў, вывад на прамысловую зону і гэтак далей. Яшчэ яго называюць «ночнай хазяін», паколькі ён цалкам кіруе калоніяй ноччу, калі адсутнічае начальнік калоніі.

ІЧУ – ізалятар часовага ўтрымання. Месца, дзе вязень знаходзіцца ў стане падазронага да этапавання ў следчы ізалятар (СІЗА).

Казлы (козлы – в русских текстах) – асуджаныя, якія адкрыта супрацоўнічаюць з адміністрацыяй

калоніі. У іх абавязкі ўваходзіць кіраваць іншымі зэ-
камі, трымаць іх у паслушэнстве, даносіць на іх мян-
там і гэтак далей. Таксама «казламі» лічаць гаспадар-
чую абслугу турмы (сантэхнікаў, электрыкаў, зэкаў,
што працуюць на кухні).

Кармушка – фортка ў дзвярах камеры, праз якую
арыштантам падаецца ежа і адбываецца большасць
гутарак паміж арыштантам і адміністрацыяй.

КВК – крымінальна-выканаўчы кодэкс.

Кешарка – месца захоўвання асабісты рэчаў ары-
штанта.

Кліфт – верхняе адзенне арыштанта. Афіцыйна
назваецца «куртка хэб».

Конь – асуджаны, які выпаўняе ролю слугі ў
іншых асуджаных за цыгарэты ці гарбату. Часта – у
якасці адпрацоўкі картачнага доўгу.

Крыса – асуджаны, які краў у іншых асуджаных.

Крытая – асобная турма ці яе корпус, якая выка-
рыстоўваецца для ўтрымання асуджаных, што рэгу-
лярна парушалі рэжым у калоніях; выкарыстоўваец-
ца таксама для прэсінгу «непажаданных» асуджаных:
крымінальнікаў, якія адмаўляюцца падпарадкоўвац-
ца мянтоўскім парадкам, палітычных вязняў, а так-
сама вязняў, што скардзяцца ў дзяржўстанова на ўмо-
вы ўтрымання. У «крытую» адпраўляюць на тэрмін
да трох гадоў па рашэнні суда.

Мойка – лязо ад беспечнага станка для галення.
Вельмі вострая палоска сталі прыкладна нуль цэлых
пяць дзясятых на чатыры сантыметры.

Петух (обиженный, опущенный, гребень) – ніжэйшая каста ў нефармальнай турэмнай іерархіі, «неда-тыкальны».

ПК – «папраўчая» калонія (бяру слова «папраўчая» ў двукоссі, бо насамрэч гэтыя калоніі выконваюць не папраўчыя, а карныя мэты), яна ж лагер.

ПКТ – памяшканне камернага тыпу, камеры для парушальнікаў рэжыму ўнутры калоніі. Звычайная ж камера, што і ШІЗА, але ў ёй арыштанту дазволена болей асабістых рэчаў: лісты, кнігі, часопісы, большая колькасць адзення, пакупкі ў лагернай краме і гэтак далей. У ПКТ змяшчае начальнік калоніі на тэрмін да шасці месяцаў.

Прадол – турэмны калідор, па абодва бакі якога знаходзяцца камеры.

ПУ – «папраўчая» ўстанова.

ПУР – Правілы ўнутранага распарадку. Паста-нова МУС, якая падрабязна пералічвае, што можна і чаго нельга рабіць арыштанту.

Рэжымнікі – супрацоўнікі рэжымнага аддзела ПУ, сочаць за выкананнем экамі Правілаў унутранага распарадку, праводзяць вобыскі і гэтак далей.

СІЗА – следчы ізалятар. Турма, у якой знаходзіцца вязень у стане абвінавачанага – да вынясення прысуду. Пасля вынясення прысуду вязень накіроўваецца адбываць тэрмін у калонію.

Хата – камера.

ШІЗА (кіча) – штрафны ізалятар. Камеры для парушальнікаў рэжыму ўнутры калоніі. У ёй забаронены

ўсе асабістыя рэчы, адсутнічае матрац для сну, прагулкі. У ШІЗА змяшчае начальнік калоніі на тэрмін да дзесяці сутак.

Шмон – вобыск.

ШІЗА

«Хто не быў на «губе», той не служыў у арміі», – часта кажуць былыя салдаты. Аналагічна можна сказаць: «Хто не быў у ШІЗА, той не сядзеў у турме».

Без разумення таго, што сабой уяўляе штрафны ізалятар, альбо, як яго яшчэ называюць, кіча, немагчыма зразумець сутнасць турэмнай сістэмы і многія паводзіны вязняў.

Згодна з ПУР і КВК, штрафны ізалятар – адна з найцяжэйшых мер дысцыплінарнага спагнання, якая павінна прымяняцца толькі за грубыя парушэнні рэжыму. А паколькі вызначэння «грубага» парушэння ніхто не даваў, яно цалкам ляжыць на сумленні начальніка калоніі, які і прызначае гэта пакаранне.

Што такое ШІЗА? На тэрыторыі калоніі за дадатковым радам калючага дроту і КСП¹, як на выспе, знаходзіцца асобны барак – барак ШІЗА/ПКТ, які з’яўляецца своеасаблівай лагернай спецтурмой. У гэтым бараку (у выпадку турэмнага ШІЗА – гэта проста падвал), як і ў звычайнай турме, знаходзяцца камеры. У адну з такіх камер пасля «дысцыплінарнай камісіі» і заводзяць парушальніка.

Уявіце памяшканне даўжынёй прыкладна два метры і шырынёй метр з нечым. Дашчаная падлога. На гэтай невялічкай плошчы знаходзяцца: нары, прышпіленыя

1 Кантрольна-следавая паласа – перакапаная паласа зямлі, на якой бачны сляды.

да сцяны (адшпільваюцца кантралёрам звонку, з прадолу), табурэтка, столік «для прыёму ежы», прыбіральня (унітаза няма, ёсць «очко», абгароджаная з аднаго боку сценкай каля метра вышынёй, умывальнік, невялікія палічкі на сценах. Часта яны размешчаны так, што па камеры нельга зрабіць і двух крокаў, каб на нешта не наткнуцца. Пад столлю вісіць лямпачка, ёсць і «акно», калі яго можна так назваць. Паміж свежым паветрам і вамі – шкло ў раме, краты з унутранага боку і металічныя жалюзі са знешняга, каб вязні не маглі «срабатоваться» – перадаваць нешта з камеры ў камеру, а таксама для большага псіхалагічнага ціску, каб не было бачна сонца і неба. Але адміністрацыя часта праяўляе вынаходлівасць і робіць у «вокнах» ШІЗА дадатковыя краты. Рэкардсменамі лічу мянтоў ПК-9 (Горкі), якія зрабілі ў акне ажно чацвёрта кратаў плюс шкло – сонечны свет у камеру амаль не трапляў, – так што, цалкам магчыма, заслужылі пахвалу ад правяраючых з ДВП.

Перад заходам у ШІЗА вязня чакае абавязковы шмон. Самае важнае – браць з сабой нельга практычна нічога, з адзення толькі сваё «форменнае» (у некаторых калоніях і «форменнае» нельга – у ізалятары выдаюць асобае, з надпісам «ШИЗО» на ўсю спіну). Вам дазваляць узяць толькі ручнік, мыла, зубную пасту, зубную шотку і туалетную паперу. Нават станкі для галення можна не паўсюль. У тых жа Горках, напрыклад, тым, хто знаходзіцца ў ШІЗА, галіцца ў лазні не даюць, каб не разабралі станкі на

«мойкі» і не скарысталі іх, напрыклад, для таго, каб ускрыцца (вядома, ніхто не думае пра паляпшэнне жыцця зэкаў, каб яны перасталі ўскрывацца – прасцей забараніць галіцца). Як вынік, вязні выходзяць з ШІЗА зарослыя, як бармалей.

Усё астатняе, што б вы ні захацелі з сабой пранесці (ежу, цыгарэты, паперу, ручку, лісты, газеты, кнігі), не дазволена. У ШІЗА вы павінны застацца сам-насам з сабой і, па задуме турэмшчыкаў, напэўна, «думаць пра свае паводзіны».

Праўда, хітрыя зэкі, якія не хочуць пазбаўляцца цыгарэт на дзесяць ці больш сутак, робяць так званыя «тарпеды» – скруткі з цыгарэт, герметычна запакаваныя ў некалькі слаёў цалафану, што потым запіхваюцца ў прамую кішку. Вядома, шмат цыгарэт так не ўлезе, таму ўпакоўваць іх у «тарпеду» трэба вельмі шчыльна – гэта цэлая тэхналогія. У выніку сярэдняя тарпеда з сарака цыгарэтамі мае дыяметр тры-чатыры сантыметры. Большасць зэкаў не можа ўзяць з сабой больш за тры тарпеды, але даводзілася чуць аб умельцах, якія бралі да дзевяці штук. Пасля «растарпедавання» цыгарэты трэба недзе захоўваць, каб на планавым шмоне ў камеры іх не знайшлі і не забралі. Гэта таксама патрабуе ад зэка пэўнай кемнасці і спрыту.

У кармушку камеры ШІЗА тройчы на дзень прыносяць ежу. Лыжку і міску мець таксама нельга – іх выдаюць, а як пaeў – забіраюць. Да 1998 г. зэкаў у ШІЗА кармілі так: адзін дзень давалі ежу па зніжанай норме (менш, чым у атрадах), а другі дзень – толькі

хлеб і ваду. «Дзень лётны, дзень нялётны», – так называлі гэты парадак арыштанты, большасць з якіх выходзілі з ізалятара пасля пятнаццаці сутак пакарання, трымаючыся за сценку. У 1998 г. закон памяняўся, але зніжаная норма харчавання ў ізалятарах была пакінутая да 2010 г. Зараз зэкаў кормяць аднолькава як у ШІЗА, так і ў атрадзе. Гуманізацыя!

Трохразовае харчаванне – амаль адзінае, па чым, седзячы ў ШІЗА, можна больш-менш дакладна дазнацца колькі зараз часу. Бо гадзіннік у ШІЗА таксама забаронены. Таксама як і ўсё, што можа дапамагчы бавіць час. З ШІЗА не выводзяць на спатканні і тэлефонныя званкі. Там нельга атрымліваць перадачы, пашылкі, бандэролі і лісты. На прагулку не выводзяць – дваццаць чатыры гадзіны ў суткі знаходзішся ў бетоннай каморцы. На ўвесь рост перад вязнем паўстае пытанне: чым заняцца? Адказ на яго ён мусіць знайсці, па-першае, калі не хоча звар'яецца, па-другое, каб час для яго не цягнуўся з такой пакутлівай павольнасцю. Сітуацыю ўскладняе тое, што сядзяць у ШІЗА звычайна па адным. Мянты ведаюць, што робяць, бо яшчэ Дзюма заўважыў: «Турма, падзеленая з кім-небудзь, ужо толькі напалову турма». Адміністрацыя лагера з задавальненнем дасць вам адчуць сябе вязнем замка Іф і пасадзіць да вас суседа толькі тады, калі ўсе іншыя камеры будуць занятыя.

Тыя, што кураць, вырашаюць праблему адносна лёгка: пакуль дастанеш цыгарэты з «нычкі», пакуль дачакаешся, каб кантралёр прайшоў міма вочка, пакуль

пакурыш у акенца, потым ручніком развееш дым па хаце, каб не «спаліцца» – ужо які-ніякі занятак. Чатыры-пяць цыгарэтаў за дзень – час бяжыць. Тым, што не кураць, яшчэ складаней. Але ў любым выпадку амаль усе формы баўлення часу ў ШІЗА забаронены ПУР. За іх можа атрымаць дадатковае спагнанне – напрыклад, прадаўжэнне тэрміну ў ШІЗА. Размаўляць з суседзямі праз сцены, акно ці каналізацыю – забаронена, чытаць-пісаць – забаронена (нават калі вы цудам нешта пранеслі – у вас гэта забяруць на першым жа «шмоне»), спаць – забаронена, а калі вас двое і вы вылепіце з хлеба шашкі і вырашыце ў іх згуляць, то і за гэта на вас могуць накласці спагнанне. «Не положена!»

Застаецца няшмат: хадзіць па камеры з кутка ў куток, калі «мэбля» дазваляе (звычайна гэта пяць маленькіх крокаў у адзін бок), займацца спортам (калі можна назваць «спортам» практыкаванні ў памяшканні, куды амаль не трапляе свежае паветра) ці проста, седзячы, думаць... Асабіста мяне ратавала ёга, медытацыя, мары аб будучыні і доўгія «пешыя прагулкі».

Але тое – удзень. Самае цікавае ў ШІЗА пачынаецца ноччу. Згодна з ПУР, матрас, як і іншыя пасцельныя рэчы, вязням у ШІЗА не выдаюцца, замест гэтага на ноч ад сцяны адшпільваецца нара. Вязні ж на ёй ніколі не спяць – спяць на падлозе, бо там цяплей. Калі на вуліцы не трыццаць і болей градусаў цяпла, то ноччу вас чакае выдатная прыгода пад назвай «Паспрабуй паспі». Мала таго, што спаць прыйдзеца

на дошках, што цяжжавата з непрывычкі, галоўнае – холад рэдка дасць вам заснуць больш чым на трыццаць-сорак хвілін. Паспаўшы якія паўгадзіны (залежыць ад тэмпературы ў камеры), вы прачнецеся ад дрыжыкаў і зразумеете, што больш спаць не можаце, і хутка зразумеете, навошта на «шмоне» з вас знялі ўсё цёплае адзенне! Інстынкт выжывання беспамылкова падкажа вам: калі немагчыма падняць тэмпературу навакольнага асяроддзя, трэба падняць хаця б тэмпературу ўласнага цела, і вы пачнеце рабіць практыкаванні са школьнага курса фізкультуры, каб хоць трошкі разagnaць кроў па задубелых канечнасцях. Калі вы паспяхова справіцеся з гэтай задачай, то зможаце паспаць яшчэ паўгадзіны. І чаргаваць спорт са сном вам давядзецца да самага пад'ёму, калі на снеданне баланджёр прынясе вам гарачай (калі пашанцуе) гарбаткі і міску кашы.

З цягам часу набіраешся досведу: заходзячы ў камеру, залепліваеш акно туалетнай паперай (хоць няма свежага паветра, зато цяплей), знаходзіш месцы, дзе спаць зручней за ўсё (я вылічваў іх па сцёртасці фарбы на падлозе: дзе фарба самая сцёртая, там і трэба класціся спаць, бо гэтая сцёртасць кажа аб тым, што там спалі ўсе да мяне), запраўляеш штаны ў шкарпэткі, каб зберагчы кропелькі цяпла, а таксама робіш са сваіх тапчак і скрутку туалетнай паперы выдатную падушку.

У любым выпадку прачнецеся вы разбітым, і ўвесь дзень вам будзе хацецца спаць. Нарэшце, паддаўшыся

гэтаму памкненню, вы прыляжаеце на падлогу, і кантралёр з радасцю напіша на вас акт аб парушэнні. (Яшчэ не забылі? Спаць удзень забаронена!) А праз колькі дзён адчыняцца дзверы, і вам паведамаць: «Такого-то числа во столько-то осужденный такой-то спал на полу камеры номер такой-то штрафного изолятора, чем нарушил пункт такой-то Правил внутреннего распорядка». І прапануюць распісацца яшчэ за дзесяць сутак. Асаблівым шыкам у мянтоў лічыцца прынесці такую паперу ў апошнія гадзіны, нават хвіліны, да вызвалення, калі ты ўжо наперад смакуеш, як вось-вось пап'еш у атрадзе гарачай кавы з шакаладкай і будзеш спаць гэту ноч у цёплай і мяккай пасцелі.

Колькі ж можна трымаць вязня ў штрафным ізалятарах? Да 2008 года гэты тэрмін складаў пятнаццаць сутак. Потым з чарговай хваляй «гуманізацыі» яго знізілі да дзесяці, але дэ-факта гэта нічога не змяніла, бо гаворка ідзе аб «аднаразовым» пакаранні, за адно парушэнне. А за «парушэнні ў ШІЗА» вязня могуць утрымліваць там колькі заўгодна доўга. «Спаў на падлозе» – не адзіная нагода. У кожным лагерах свая тыповая адпіска, якая фабрыкуецца на арыштанта, каб прадоўжыць яго тэрмін у ШІЗА. Дзесьці гэта «не произвел уборку», дзесьці «расстегнутая пуговица»... Ніколі не забуду, як у ПК-17 у Шклове, дзе трапіў у ШІЗА праз дзве гадзіны пасля таго, як прыехаў у калонію, вырашыў: ну, зараз не дам ім нагоды, буду рабіць усё па статуце! Не будзе

чаго прычапіцца, і выпускаць праз дзесяць сутак! Малюсенькай анучкай вычысціў усю камеру: прыбраў павуцінне, пыл, бруд, нават у тых месцах дзе, упэўнены, яго не прыбіралі з моманту будавання барака. Вячэрняя праверка. Адчыняюцца дзверы. У цесную камеру літаральна ўрываюцца адразу тры кантралёры ды яшчэ і ДПНК і пачынаюць азвярэла матляць галавамі па баках, праводзіць рукамі па паліцах, рэбрах нараў, батарэі, століка, нахіляцца, залазіць пад столік і ледзь не на карачках поўзаць, вышукваючы пыл і хоць якую часцінку бруду. Усё беспаспяхова – камера «зіхаціць». Тады адзін з кантралёраў, той, што перад гэтым праводзіў рукой па паліцы, на якой часткова аблупілася старая фарба, націснуў рукой і расцёр яе, часцінкі фарбы засталіся на ягоных руках:

– О! А вот и пыль! Составляем на тебя документ!

Што я ім адказаў, ужо не помню. Але той выпадак канчаткова пахаваў веру ў тое, што палітвязню ў зоне можна «жыць-каб-цябе-не-чапалі».

Іншы выпадак з ПК-9 (Горкі). Хлопец, які ведаў, што мянты на яго злыя і хутчэй за ўсё захочуць працягнуць ягоны тэрмін знаходжання ў ШІЗА, наўмысна паводзіў сябе прыкладна – зашпільваў кліфт на апошні гузік, не спаў удзень і гэтак далей. І вось чарговы дзень. Прайшоў абед. Некалькі хлопцаў, што сядзелі з ім у хаце (ён быў не адзін), разлягліся на падлозе і «даюць храпака». Адчыняюцца дзверы, у хату заходзіць ДПНК. На тых, хто спіць, ён не звяртае

аніякай увагі. Паміж ім і «прыкладным зэкам» адбываецца такая размова:

– А ты чого не спиш?

– А я не парушаю распарадак дня!

– Не парушаеш, да?.. Ну тогда бумага на тебя, бумага!

І потым на дысцыплінарнай камісіі арыштанта можа колькі заўгодна даказваць, што ён не спаў ці яшчэ нешта не парушаў. Я не чуў і не бачыў аніводнага выпадку, каб гэтыя тлумачэнні хоць раз дапамаглі камусьці хаця б знізіць пакаранне, не тое што пазбегнуць яго.

У ПК-17 (Шклоў) яшчэ ў былыя часы, калі ў зоне часта можна было сустрэць мабільныя тэлефоны, апэратыўнікі даводзілі да зэкаў: за валоданне мабілай – трыццаць сутак ШІЗА! А як жа трыццаць, калі законам дазволена максімум пятнаццаць? Атрымліваецца, чалавек яшчэ не трапіў у ШІЗА, а мянты ўжо ведаюць, што ён зробіць там «парушэнне рэжыму» і прыйдзецца дакінуць яму яшчэ пятнаццаць сутак!

Нахабнасць мянтоў і звыкласць да беззаконнасці ў зэкаў даходзяць да камічнага абсурду. Адзін з былых прабывальнікаў ПК-8 (Орша), распавядаў мне, як дадавалі суткі ў ШІЗА там. На праверцы ў камеру заходзіць ДПНК, звярае колькасць людзей у камеры па спісе. Глядзіць, хто ў камеры па раскладзе дзяжурны, і калі гэта той самы, каго апэратыўнікі загадалі «адстраліць», кажа, нават не падымаючы галавы ад спіса: «Иванов, паўтинка!» – і выходзіць. Гэта значыць,

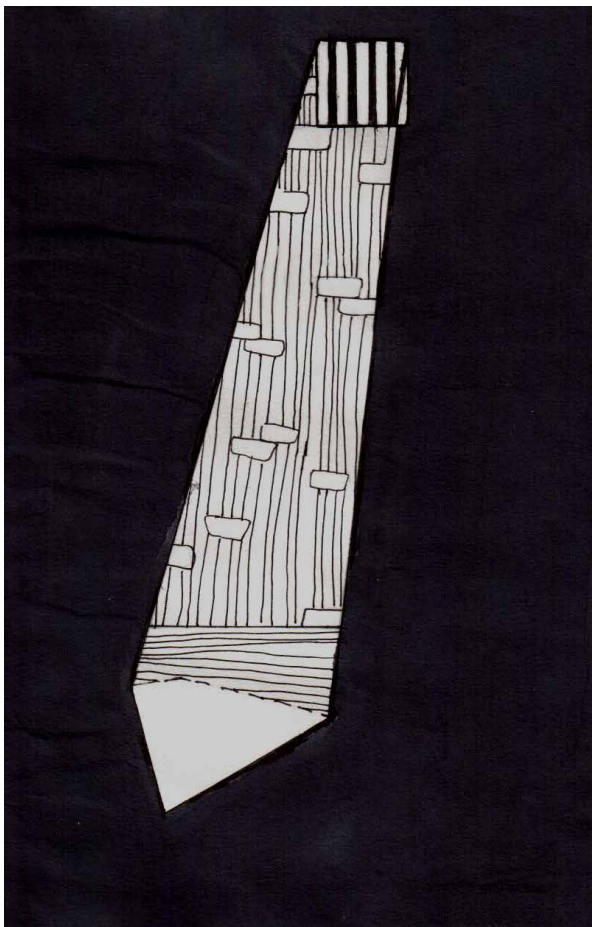
што ў камеры пад столлю вісіць павуцінне (ці ДПНК лічыць, што вісіць – а есць яно сапраўды ці не, не іграе ніякай ролі), і ў гэтым вінаваты дзяжурны па камеры, які дрэнна ў ёй прыбраў. Гэта значыць, што на яго складуць акт аб парушэнні, які будзе разгледжаны начальнікам калоніі на дысцыплінарнай камісіі, дзе супрацоўнікі калоніі, у сваю чаргу, будуць вырашаць пытанне аб накладанні на Іванова дысцыплінарнага спагнання. Але вязню такое доўгае тлумачэнне без патрэбы. Слова «паўценка» пасля яго прозвішча азначае адно: ягонае прабыванне ў ШІЗА працягваецца як мінімум на дзесяць сутак. Але падчас гэтага спектаклю ніхто нават не задае пытанняў, поўнае ўзаемаразуменне!

Колькі я ні шукаў – не знайшоў прававога акта, які б абмяжоўваў тэрмін знаходжання вязня ў ШІЗА без выхаду. Максімальны тэрмін, колькі я знаходзіўся там без выхаду – дваццаць сутак, а агульны мой «стаж» на момант вызвалення падышоў да паўгода. Былы палітвязень Яўген Васьковіч правёў у ШІЗА магілёўскай крытай трыццаць сутак, а агулам адбыў там год. Пры мне аднаго хлопца трымалі ў ізалятары шэсцьдзясят сутак без выхаду – проста за тое, што ён не хацеў падпісваць «Обязательство о правопослушном поведении».

А мой сукамернік па ўсё той жа «крытай» у 2005 годзе выседзеў у ШІЗА без выхаду сто восемдзясят сутак! Раз у пятнаццаць дзён яго выводзілі ў штаб, каб там выпісаць чарговае спагнанне, і адразу заводзілі назад. І так дванаццаць разоў...

Таму, калі вам калі-небудзь давядзецца пачуць ад мянта, былога або дзейнага, ці ад дзяржаўнага журналіста, ці ад прадажнага псеўда-праваабаронцы аб гуманных і еўрапейскіх стандартах утрымання ў беларускіх турмах, проста раскажыце ім пра начныя адцісканні, сто восемдзесят сутак у бетоннай каморцы і «паутинку»...

Ліпень 2016



ОПЕР

Феномен советской и, увы, постсоветской реальности. Слово, знакомое каждому, кто лишён или когда-то был лишён свободы. Тот, кто обозначен этим словом, может быть улыбчивым молодюком с хитрым прищуром или предпенсионного возраста мужиком с сединой в волосах и усталым взглядом, крикуном с бегающими глазами или вежливым интеллигентом, смотрящим на тебя спокойно и сосредоточенно, слабовольным лентяем или фанатичным профессионалом — суть его была и остаётся одна.

Опер.

Во времена имперской России они звались жандармами, потом просто сотрудниками ЧК, УгРо и тому подобных структур, сейчас они – «оперуполномоченные». Интересно, а как зовут их в других странах? Агент? Инспектор полиции? Детектив? И тянется ли за ними такой кровавый след, какой на протяжении без малого 100 лет волочит за собой «наш» опер?

Официальные обязанности опера, прописанные в красивых законах: собирать оперативную информацию, контролировать оперативную обстановку и тем самым — способствовать выявлению преступлений, охраняя... «права и законные интересы граждан» (смех в зале). Но реальная деятельность этих парней с «холодной головой и горячим сердцем»

(портреты автора этой метафоры – садиста Дзержинского – до сих пор являются обязательным атрибутом каждого оперского кабинета), конечно же, простирается далеко за пределы таких сухих и неинтересных формулировок.

Первая встреча с операми произошла 4 сентября 2010 года в кабинетах ИВС на ул. Окрестина, на следующий день после задержания. Два сотрудника с цепким взглядом и повадками хозяев жизни, Соколов и Ярошик, в течение многочасовых бесед пытались доказать мне, что стать мразью и предателем гораздо лучше, чем много лет сидеть в тюрьме. Один за другим обкатывались психологические приёмы: мне рассказывали, что они и так уже «всё знают», и мне надо лишь облегчить свою участь, сказав «всю правду»; что все друзья меня уже сдали; что меня используют, но они хотят мне помочь (ах, классика!), один даже признался, что в глубине души разделяет анархистские убеждения. С этого впоследствии начал беседу и КГБшник — видимо, таков их шаблон для работы с политическими. Заканчивали же они, как правило, живописанием ужасов, которые меня ждут в тюрьме и зоне, в очередной раз предлагая мне предать друзей ради спасения собственной шкуры.

Но что такое 10-15 часов допросов по сравнению с 5 годами, в которые опера стали моими постоянными спутниками?

Тюремный опер и опер из уголовного розыска и КГБ — суть один и тот же биологический вид. Они

идентичны и взаимозаменяемы, но здесь я расскажу вам непосредственно о тюремном\зоновском опере, так как именно в повседневном контакте с ним можно впитать порами, прочувствовать и, выстрадав, понять и на всю жизнь запомнить роль и место этих существ в нашем мире.

Во времена ГУЛАГа ээки, завербованные опером в лагере, подслушивали чужие беседы или сами, втираясь в доверие, вызывали человека на откровенность, результатом чего становились новые уголовные дела о «контрреволюционных заговорах», «антисоветской агитации», «подготовке к побегу» и т. п. В итоге жертва оперских выкормышей получала новый срок в довесок к старому или бывала расстреляна. И хоть сейчас такого уже нет, методы и суть оперской работы остались такими же. Опер в тюрьме и в зоне — царь и Бог. Он решает, где и с кем будет жить ээк, будет ли он получать передачи, иметь свидания с близкими, «кататься» в ШИЗО, и вообще, будет ему в зоне хорошо или плохо. Отрядный опер через завербованных им ээков (сук) дёргает за ниточки общественное мнение, и ему ничего не стоит сделать так, чтобы неугодного загнали в касту «обиженных» или просто начали систематически гнобить. В известном смысле опер значит даже больше, чем начальник колонии, ведь начальник — далеко, а опер всегда тут, рядом. В негласной иерархии администрации «исправительного» учреждения - режимного, оперативного, медицинского отделов, спецотдела, отдела

исправпроцесса - оперативный отдел стоит на самом верху. Опер может всё. «Чтоб жить в радости и счастье, дёрни ручку оперчасти», «Запомни сам, скажи другому: путь в оперчасть — дорога к дому», – иронизирует арестантский фольклор.

Опер — это каратель для того, кто, по его убеждению, должен страдать, и гарант всевозможных благ и привилегий для своих сук. На ИК-15 (Могилёв) опер посадил меня на 5 суток в ШИЗО за «неправильный» разговор с приезжим ГУБОПовцем. Формальным поводом стало то, что я зашел к нему в кабинет в расстёгнутом клифте, то есть лагерной куртке (хотя все и всегда к нему так заходили).

На ИК-17 (Шклов) какое-то время зэкам было позволено выносить со свиданий неограниченное количество овощей и фруктов. Потом режимный отдел запретил — в рамках обыкновенного и непрерывного ужесточения режима в зоне. А опер через своих подручных пустил по зоне слух: «Это Дедка отец пожаловался, вот мы и запретили». Трудно представить себе более подлый способ посорить человека с коллективом.

В Могилёвской крытой (Тюрьма-4) я как-то раз пожаловался оперу с красивой фамилией Лихута, что цензор, который работает под его непосредственным руководством, не пропустил мне шесть открыток из Швейцарии. «Как так? – говорю. – Там же ничего такого, обычные открытки с поздравлениями!» – «Хо-рошо, разберёмся», – был ответ.

В течение следующей недели цензор изъял три самых обычных письма от отца и жены. Фирменная фишка могилёвской тюрьмы: пустой конверт, а на нём степлером прикреплён листок с надписью: «Письмо не прошло цензуру». Это был намёк в оперативном стиле: довольствуйся теми письмами, которые получаешь, а то и этого лишим.

Опер — это иезуит. Моему соратнику Игорю Олиневичу на допросе в КГБ опера, «знатоки» анархизма доказывали несостоятельность анархистской теории: «ты же занимаешься карате. Оно иерархично!», чтобы хоть как расшатать уставшее сознание узника, подорвать его веру в свою правоту. Аналогично и мне в первые дни после задержания, увидев, что «лобовая атака» не сработала, опера говорили: «А мы возьмём да и напишем на Индимедии, что ты всех сдал!». Уже упомянутый Лихута вёл со мной беседу, когда мне оставалось, как я думал, 3,5 месяца до освобождения: «Ну и какие у тебя планы на волю? ... поедешь, да? А работать где?... так там же всё дорого.». Желал удачи с доброй улыбкой. Несколько позже я узнал, что на момент беседы он уже 4 дня как направил на меня документы в Следственный комитет для возбуждения уголовного дела по статье 411, — то есть прекрасно зная, что я получу ещё год, он решил поддразнить меня мечтами о скорой воле, чтобы новость о добавке срока оказалась для меня ещё больнее. Пример того, как человек может исчерпывающе охарактеризовать себя одним лишь поступком.

Опер — это лжец. Ложь — его основное и любимое орудие для подчинения других и добычи «оперативной информации». «Только скажешь нам то и то — сразу тебя отпускаем. Даю слово офицера!» — часто говорят опера подозреваемым на допросах. Сколько наивных и доверчивых людей купились на это, оговорив себя, а порой, сами того не желая, и других! И вот человек получает свои 5, 10, сколько угодно лет — но не благодаря тому, что следствие собрало убедительные доказательства его вины, а благодаря своей доверчивости. Опер даст любое слово, поклянется, пообещает всё, что хочешь, назовёт тебя другом, скажет, что разделяет твои идеи, посочувствует, поругает власть — лишь бы получить от тебя те показания, что нужны ему, вне зависимости от того, правдивы они или нет. А получив, прикажет отвести тебя назад в камеру. Ты теперь — отработанный материал, а твоя душевная боль от обманутого доверия никого не интересует, главное, что дело клеится. Сколько благодаря таким обманам состряпано — на ровном месте! — уголовных дел, сколько «висяков» доведено до суда! А ведь покупаются на такое, что очевидно, никак не закоренелые преступники, а легковверные и более-менее порядочные люди, не имевшие ранее проблем с законом и не подозревающие, что его служители могут так цинично лгать.

Одного опера на ИК-15 (Могилев), который вечно уверял, что он «не имеет отношения» к тому, что меня в зоне прессует, я однажды прямо упрекнул: «Это не

правда, ...евич. Вы меня постоянно обманываете». На что тот, улыбнувшись, ответил: «Обманывать — это моя профессия.»

При своей бесчеловечной натуре опер не может не быть ещё и расистом.

Одиозный ГУБОПовец Литвинский, беседуя со мной на ИК-15 (Могилев), пустился в критику «скинхедов», сказав сначала что у него «дед воевал», а потом добавив: «Я негров тоже не люблю. Но я же их ни бью!». Опер Шамёнов с ИК-17 (Шклов) долго рассказывал мне про своё видение теракта Андерса Брейвика: «Вот до чего мультикультурализм доводит!», — и гордо прибавлял: «А в Беларуси я могу ходить по улице и быть уверенным, что меня хачи не отп*здят!» По слухам, этот сотрудник был позже переведён в КГБ.

Опер — палач человеческих душ. На ИК-15 (Могилев) один парнишка жаловался мне, что опер склоняет его к сотрудничеству, требуя докладывать, о чем беседуют зэки, где у кого «запрет» лежит и тому подобное. В противном случае обещал «жизни не дать». И не зря опер начал давить именно на него: тому парню позарез нужно было УДО — на воле остался маленький сын, а жена... сидела на Володарке. Он же из всех сил избегал нарушений, старательно вкалывал на промке и целыми днями переживал за своих домашних. Опер, безусловно, всё это знал и потому останавливал выбор именно на нём. Я видел моральные мучения и метания того зэка: между семьёй и совестью, благополучием родных и возможными последствиями

превращения в суку. Он пытался выкрутиться, рассказывал оперу какие-то малозначительные и общеизвестные вещи. Но этот вариант не прокатил. Вскоре меня вывезли с той зоны, и я так и не узнал, чем окончилась эта маленькая драма. Надеюсь, тот парень всё же понял, что предателем нельзя быть наполовину.

Бояться следует не тех, кто может убить тело, а с душой ничего не может сделать, **но тех, кто убивает душу** — понимаешь с опытом. В системе МВД есть как убийцы тел, так и убийцы душ. Все они: палачи из расстрельных команд и «оперуполномоченные» — получают деньги каждый за своё убийство.

Да, опер оставляет живым тело, организм, живущий на инстинктах и базовых потребностях, но это уже и не личность в полном смысле этого слова. Нюанс в том, что если в характере человека, попавшего в зону, изначально есть хоть малейшая гнильца, зерно подлости и непорядочности, то под бдительным надзором опера и его стараниями оно непременно разрастётся и высосет из человека всё хорошее, что в нём есть. Этому способствует сама атмосфера зоны, её моральный климат с императивом: «плюнь в ближнего, пни нижнего». А опер, без сомнения, ускорит рост этих всходов, подбирая удобрение каждому индивидуально, в зависимости от особенностей характера: кому-то таковым послужит лишняя свиданка с женой, кому-то страх за собственную безопасность, кому-то авторитет, кому-то — УДО, кому-то достаточно пакета чая и пачки сигарет. Но результат

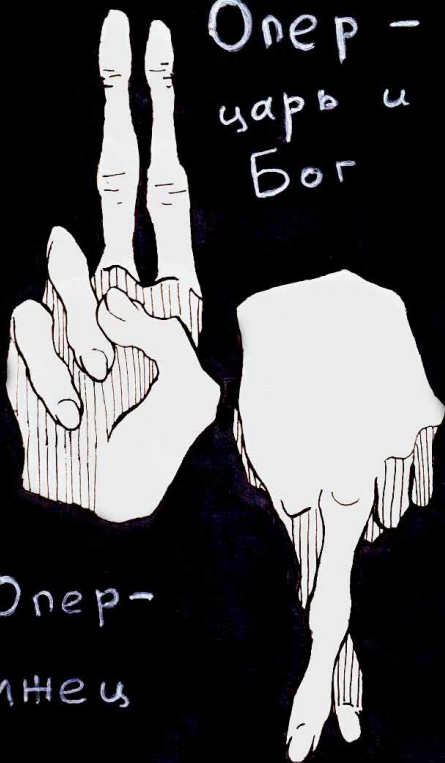
всегда один: человек выходит на свободу насквозь прогнившим, беспринципным, ни во что не верящим. В его миропонимании стёрты грани между добром и злом. Всё это — результат работы «оперативного отдела исправительного учреждения».

Порой я думаю — а каковы они в обычной жизни? Ведь не все же они бьют своих жён, детей, обманывают друзей... Наверное и они способны любить близких, заботиться о них, быть хорошими для своих жён и матерей, от души смеяться, дружить, в общем, испытывать человеческие чувства. На праздниках, застольях, они, наверное, вполне искренне веселятся. Обнимая друзей и коллег, поют любимые песни с рюмкой в руке: «Да! И если завтра будет круче, чем вчера, "Прорвёмся!" – ответят опера».

Конечно, прорвётесь. Бодрым строевым шагом.
В ад.

Март 2015

Опер -
царь и
Бог



Опер -
лжец

РЭЖЫМ

Ёсць з'явы жорсткія. Ёсць з'явы бессэнсоўныя. Але любыя з'явы і рэчы падаюцца больш жорсткімі, калі яны бессэнсоўныя. Менавіта да такой катэгорыі паняццяў і адносіцца турэмны рэжым – Малох, у ахвяру якому прыносяцца псіхалагічны і фізічны камфорт вязняў, іх душэўны спакой і самапавага.

Чалавек, які ўпершыню трапляе ў турму, першы час знаходзіцца ў стане разгубленасці, збянтэжанасці. Сваім розумам нармальнай, вольнай асобы ён не можа ўсвядоміць тых рэчаў, якіх ад яго патрабуюць турэмшчыкі, спасылаючыся на загадкавае «так положена».

Усё пачынаецца са шмону. Здзіўленне пачынае пераследаваць вязня яшчэ ў ІЧУ, калі на шмоне перад пасяленнем у камеру ў яго забіраюць паясны рэмень і шнуркі ад абутку. Ён пытаецца: «А чаму мне іх нельга?» «Не положена!» – рыкае ў адказ мент. Пазней ад дасведчаных сукамернікаў ён дазнаецца, што ўвесь час падцягваць штаны і хадзіць у красоўках, як у смешных разлапістых шлёпанцах, будзе таму, што на рэмені ці шнурках можна павесіцца. Але самае цікавае яго чакае ў СІЗА, калі родныя пачынаюць насіць яму перадачы. Цыгарэты? Павінны быць выняты з пачка і пакладзены ў празрысты пакет. Гарбата? Таксама толькі перасыпаная ў празрысты пакет. Цукеркі? З кожнай павінна быць знята абгортка (уявіце, колькі трэба зрабіць, каб перадаць трыццацікілаграмовую перадачку). Газіроўку? Нельга! Тварог, малако,

сыркі, сметанковае масла – нельга! Мёд? Нельга! Ча-
му? «Не положено!» Нешта ў шкляннай бутэльніцы? Ба-
рані Божа! «Они же перережут друг друга!» Кансервы
ў бляшаных банках – нельга, «заточку сделают».

І калі раптам родныя пойдучь па рознага роду
начальніках ды пачнуць скардзіцца, то ім пакажуць
доўгі спіс рознага кшталту пастаноў і загадаў, пака-
жуць ПУР (Правілы ўнутранага распарадку) і патра-
баванні санстанцыі, з якіх яны даведаюцца, што ма-
лочныя прадукты нельга, бо баяцца эпідэміі, цы-
гарэты трэба перакладваць, бо «раптам вы там неш-
та схавалі», па той жа прычыне трэба здымаць абгор-
тку з кожнай цукеркі, па той жа прычыне кожны яб-
лык, апельсін, любая садавіна ці агародніна, што вы
перададзіце вязню, будзе праткнутая шылам (і не
важна, што «пражыве» яна пасля гэтага толькі пару
дзён), любая вакуумная ўпакоўка – прадзіраўленая,
любая шакаладка – паламаная ледзь не да крошкі.

Але што СІЗА! У калоніі, куды арыштант едзе па-
сля прысуду, яго чакаюць новыя адкрыцці і новыя
здзіўленні. Па прыездзе – абавязковы шмон. Усё «ліш-
няе» адбіраюць і кладуць на склад, дзе яно будзе ля-
жаць да таго моманту, як чалавек вызваліцца. Гэта
вельмі драматычны момант для любога вязня: усё
нажытае за год, а то і болей, усё нагужанае сукамер-
нікамі, якія збіралі яго на этап, «ляціць» на склад
альбо ў сметніцу. Калі гэта ежа – яшчэ паўбяды. Але
найбольш крыўдна, калі гэта адзенне ці абутак, набы-
тыя роднымі. У СІЗА, ІЧУ і некаторых зонах дазволены

абутак толькі без металічных супінатараў – бо з іх, зноў жа, можна зрабіць заточку. Для таго каб даведацца, ці ёсць у абутку супінатары, вертухаі неміласэрна згінаюць красовак ці бот, ламаюць падэшву і прасвечваюць яе металадэтэктарам. Калі гэта твой адзіны абутак, выдадуць зменны (так званыя «каранцінкі»), калі ж ён куплены роднымі і яны намагаюцца яго табе перадаць, яго папросту вернуць назад – грошы патрачаны дарма.

ПУР ПУ (Правілы ўнутранага распарадку папраўчых устаноў) пабудаваны вельмі хітрым чынам. У іх замест таго, каб пералічыць спіс рэчаў, якія арыштанту мець забаронена, пералічваюць рэчы, якія дазволена мець арыштанту. Адпаведна ўсё астатняе – забаронена, і за валоданне рэчамі, якіх няма ў спісе, можна трапіць у ШІЗА.

Сказаць, што спіс дазволенага недастатковы для нармальнага, годнага існавання, асабліва для тых, у каго доўгія тэрміны, – гэта нічога не сказаць. Узяць хаця б такую дробязь: кожны асуджаны павінен перамяшчацца па тэрыторыі лагера ў фарменным адзенні (у робе, афіцыйна: у «костюме хэбэ»). Гэта ўстаноўленая «форма адзення арыштанта». Але ж робу трэба час ад часу мыць. І калі памыў яе, яна павінна высохнуць. У чым тады хадзіць у сталовую, на працу ды і проста па лакальным участку каля барака? Застаецца спартыўны касцюм. Але вось калізія: надзенеш спартыўны касцюм – «парушэнне формы адзення». Атрымаеш акт аб парушэнні і можаш загрымець

у ШІЗА. І нікога не цікавіць, што твая роба проста памытая і вісіць мокрая на вяроўцы. Але і не мыць нельга. Калі цябе пабачаць у бруднай робе, то і за гэта могуць скласці дакумент аб парушэнні, бо «осужденный должен иметь опрятный внешний вид». Вось і круцяцца зэкi, як могуць, каб і чыстымі хадзіць, і ў ШІЗА не трапіць: хто «пятляе» ў сталовую ў сярэдзіне шэрага, каб не трапіцца на вочы кантралёрам, хто просіць робу панасіць у кагосьці з суатраднакаў. Дарэчы, мець дзве робы таксама забаронена, знойдуць на шмоне – забяруць, ды яшчэ акт могуць скласці (зноў маячыць перспектыва ШІЗА). Гэтай праблеме – у чым хадзіць, калі памыў адзенне, – ужо шмат гадоў, але ўсім – ад начальнікаў атрадаў да кіраўніцтва ДВП – пляваць на нязручнасці жыцця нейкіх там зэкаў. Прасцей дзесяць, дваццаць, трыццаць чалавек «спецконтингента» адпраўляць штогод у ШІЗА, чым адзін раз змяніць пару сказаў у ПУР.

Эпапея з адзеннем на гэтым не заканчваецца. За некалькі гадоў да майго вызвалення літаральна ва ўсіх зонах кіраўніцтва развярнула цэлыя «кампаніі» барацьбы: з курткамі на замках-маланках, са світарамі і масцёркамі пад «костюмамі хэбэ». Барацьба з маланкамі вялася проста так, каб уніфікаваць адзенне вязняў. Да пары да часу ў лагеры людзі хадзілі ў чорных куртках на замках-маланках, перададзеных роднымі з волі, пакуль нейкі чын з ДВП не прыехаў з інспекцыяй і не запытаўся: «А чего это у вас осужденные ходят не по форме?» Бо «па форме» – гэта значыць

у нязграбнай целагрэйцы (якая не грэе ні кроплі) на гнілой ваце, у якой адвальваюцца гузікі. І тут жа пачаўся шал, спачатку на адной зоне, потым на іншых: нармальныя «вальнячыя» курткі пачалі «адмятаць», замест іх выдаваць целагрэйкі, тых, хто спрабаваў узбунтоўвацца, саджалі ў ШІЗА. Барацьба ж з галоўнымі ворагамі «ісправительнага працэса» – сьвітарамі ды масцеркамі выглядала так. Восень (ці вясна), на вуліцы холад. Атрад зэкаў выходзіць на працу на прамзону і стаіць на КПП у чаканні шмону. Кожнага шманаюць па чарзе і прымушаюць расшпіліць «костюм хэбэ». Калі раптам пад ім масцерка ці сьвітар – ідзі ў атрад, здымай. Пачынаеш абурацца – у ШІЗА. І не важна, што на вуліцы плюс дзесяць, а пад тваёй «курткай хэбэ» толькі лёгкая цішотка. І не важна, што пасля такой праверкі зэкі на прамзоне будуць увесь дзень трэсціся ад холаду і паўатрада пабяжыць у санчасць з прастудай ці грыпам. Затое любое начальства, наведаўшы зону, будзе задаволена: «Форма оджды соблюдена!»

Такія кампаніі на кожнай зоне распачынаюцца часта, хаатычна і непрадказальна. Пстрыкне нешта ў галаве Дарошкі² – па зонах ідзе цыркуляр, і грамадзяне начальнікі гатовыя дэманстраваць службовы імпэт. Сёння – маланкі на куртках, заўтра – боты «неустаўнага образца», паслязаўтра – сталёвыя лыжкі (ва ўсіх павінны быць алюмініевыя!), затым – кампанія

2 Тагачасны начальнік ДВП.

па барацьбе з «выносом хлеба из столовой» (гэта калі выдаюць дысцыплінарныя спагнанні за тое, што сваю пайку хлеба панёс са сталовай у атрад) і гэтак далей... Зэкі вызначаюць гэтыя кампаніі па доўгіх чэргах на КПП, дзе па шэрагах чуюцца раздражнёны шэпт: «Опять?.. Что, б***ь, в этот раз?.. Бирки на трусах проверяют, что ли? Сука, за****и...»

На ПК-17 (Шклоў) намеснікам начальніка калоніі быў, а можа, і сёння ёсць, калі не пайшоў на павышэнне, вельмі старанны служака, Павел Мікалаевіч Егулеўскі, па мянушцы Мерседэс. У час адной з такіх кампаній (тады змагаліся са штанамі няправільнага фасону) ён стаяў з канцылярскім нажом і проста на КПП уздоўж рэзаў штаніны зэкам. І аднаму з іх такім чынам разрэзаў нагу да крыві. Хлопец аказаўся не з самых «прыбітых», пайшоў на прынцып і пачаў адстойваць свае правы, а яго родныя скардзіліся ў розныя інстанцыі. Але ніякага выніку гэта так і не прынесла, Мерсу ўсё сышло з рук.

Далей – болей. Тэндэнцыя да ўзмацнення рэжыму прабіраецца ў кожную шчыліну паўсядзённага жыцця арыштанта. У кожнага зэка ёсць прыложкавая тумбачка. Думаеце, там можна захоўваць тыя рэчы з дазволёных, якія табе хочацца? А як жа! Некалькі гадоў таму ў кожным спальным памяшканні павесілі спіс таго, што можна мець кожнаму зэку ў тумбачцы. Спіс вельмі сціслы: ручка (адна), сшытак (адзін), дзве кніжкі, канверт (адзін ці два, ужо не памятаю), адзін пачак цыгарэт і адна ўпакоўка гарбаты.

Усё! Прадуктаў харчавання ў гэтым спісе няма. Вы запытаецеся: а дзе ж захоўваць усе астатнія рэчы? Для гэтага, згодна з мудрымі пастановамі мусароў ДВП, у кожным атрадзе існуе «комната храненія личных вещей», альбо па-зэкаўску «кешарка», «бобовня», «каптерка». Загадвае гэтым пакоем капцёр – зэк, у якога маюцца ключы ад яго. Улада капцёра і прывілеяванасць навідавоку. Сябраваць з ім – значыць мець сапраўдны блат у атрадзе. Але што з таго, што там ляжаць рэчы? Што можа быць прасцей, скажаце вы, зайшоў у любы момант і ўзяў тое, што табе патрэбна, – няма чаго спальнае памяшканне захламляць. Усё так, але адкрываецца гэты пакой... двойчы ў дзень, на дваццаць-трыццаць хвілін. І вы, вядома, не адзіны з сотні зэкаў атраду, хто хоча зайсці туды і нешта ўзяць – новую пару шкарпэтак, шматок сала, кніжку ці пачак цыгарэт. «В комнату хранения личных вещей заходит по одному человеку!» – вісіць аб’ява на дзвярах. Нарэшце вы падлавілі момант, калі капцёр зайшоў у капцёрку, адстаялі сваю чаргу і прарваліся ў заповітны пакой, каб адкрыць свой «кешер» і дастаць адтуль шакаладку, каб папіць гарбаты з прыяцелем, ці кніжку, каб правесці вечар у адзіноце. Схапіў рэч, закрыў сумку і пайшоў? А як жа! У кожнай сумцы ляжыць вопіс асабістых рэчаў, вамі ж складзены пры прыездзе ў атрад. У ім запісана ўсё, ад стрыжняў для ручак да ніжняй бялізны, карамелек, часопісаў ці нейкага іншага няхітрага скарбу, нажытага ў лагеры. Калі ўзяў нешта – выкрэслі

са спіса, калі паклаў – абавязкова ўпішы. Галоўнае – не забыцца гэта зрабіць, бо кожныя колькі месяцаў мае быць «режимное мероприятие», а менавіта «смотр внешнего вида с выносом вещей». Атрад вьстройваецца на лакальным участку, кожны са сваімі сумкамі, і начальнік атрада правярае, у каго вопіс не супадае са зместам. Калі што не так, складаецца акт аб парушэнні. Прыклад, які стаў у свой час хрэстаматыйным: Міколу Статкевіча пасадзілі ў ШІЗА за тое, што колькасць ягоных насовак у вопісе не адпавядала колькасці іх у кешары.

Нярэдка, як у любой бюракратычнай і іерархічнай сістэме, патрабаванні розных начальнікаў уваходзяць у супярэчнасць адно з адным. Гэта добра ілюструе выпадак з ПК-4 (Горкі). У кожнай камеры ПКТ ці ШІЗА стаіць радыёкропка (яна ўключаецца ці выключаецца з пульта кантралёра), але без рэгулятара гучнасці: будзеш слухаць радыё на той гучнасці, на якой уключыў кантралёр. Але раптам ва ўстанову прыехала чарговая праверка з ДВП. Вялікі начальнік паглядзеў на радыёкропкі ў камерах і запытаўся: «А чаго яны ў вас без рэгулятараў? Непарадак!» І адразу пасля яго ад'езду казлы і гаспадарчая абслуга пад кіраўніцтвам адміністрацыі наладзілі літаральна ў кожнай камеры рэгулятары. Зэкi сядзелі задаволеныя! Але прайшоў час, прыехаў ужо іншы начальнік з таго ж ДВП. Паглядзеў наверх і самлеў: «Вы что это им, регуляторы громкости поставили? С ума сошли, что ли?» У яго разуменні гэта быў проста недапушчальны камфорт,

вакханалія геданізму і разбэшчанасці. Праз лічаныя гадзіны абслуга (тыя ж зэкі, вядома, што і ставілі гэтыя рэгулятары) ужо выдзіралі іх з кожнай амаль з дваццаці камер ШІЗА/ПКТ.

Але наіўна было б думаць, што рэжым закранае толькі матэрыяльны аспект, тое, што можна ці нельга мець вязням. Як я ўжо казаў, ягоны сэнс у тым, каб пранікаць ва ўсе сферы жыцця. Статутам рэгламентаваныя пад'ём і адбой. Замарудзіўся на колькі хвілін – атрымаў акт і, магчыма, ШІЗА. І калі ў лагеры гэта яшчэ можна неяк рацыянальна растлумачыць (атраду трэба ісці ў сталовую, на працу), то ў СІЗА строгая наяўнасць пад'ёму і адбою не паддаецца тлумачэнню, асабліва калі камеры перапоўненыя і палова насельніцтва не мае магчымасці спаць ноччу і спіць удзень. Не тое што спаць, нават ляжаць на ложках удзень таксама забаронена. І мозг чалавека, які толькі трапіў у турму, адмаўляецца разумець: чаму? Каму будзе горш ад таго, што арыштант у СІЗА (віна якога нават не даказаная, ён яшчэ абвінавачаны, а не асуджаны), прыляжа на ложках удзень, паспіць? Ды і што яшчэ рабіць у камеры? Але не, толькі паспрабуй, пільны кантралёр адразу грукне нагой у дзверы: «Не спать!!!» У Жодінскім СІЗА мянты ідуць яшчэ далей – на ложку нельга сядзець з нагамі (!). Але сядзець з нагамі на падлозе нязручна – у ложкаў жалезныя ражкі, якія ўпіваюцца ў ногі. Уся астатняя «мэбля», калі яе можна так назваць, відавочна, прызначаная для каго заўгодна, але не для людзей. Абабітая жалезам,

цвёрдая, рассохлая, ці занадта высокая, ці занадта нізкая. Але прызвычаішся, нічога не зробіш...

У камеры пры кожным заходзе адміністрацыі зэк павінен зрабіць даклад. Выглядае ён так: «Гражданин начальник, в камере номер такой-то столько-то осужденных. Санитарное состояние в норме. Дежурный по камере такой-то. Жалобы и заявления отсутствуют» (у розных установах тэкст нязначна адрозніваецца). Асабліва смешна дадзены даклад гучыць у адзіночнай камеры, калі ледзь не гадамі сядзіш адзін і два разы на дзень па праверцы кажаш: «Дежурный по камере осужденный Дедок...» Нібы ўчора дзяжурў нейкі іншы асуджаны...

Пры позірку збоку ўзятыя асобна ўсе гэтыя правілы і патрабаванні могуць падацца нязначнымі. Ну, сапраўды, падумаеш, праблема: зашпіліць гузік, калі праходзіш міма вертухая, пацярпець нязручнасці з мыццём робы, зрабіць даклад ці прыбраць лішныя з тумбачкі, тым больш, што гэта ж турма, а не санаторый! Але гэта толькі на першы погляд. Жыццё арыштанта складваецца вось з такіх дробязей. Іх сотні. І чым далей, тым больш яно рэгламентуецца рэжымам, што ўскладняе і без таго не вельмі салодкае жыццё арыштанта. І вось ужо не застаецца месца, дзе ты мог бы дзейнічаць спантанна, нават у тым, што датычыцца засцілання ложка ці баўлення вольнага часу, якога і так няшмат. Кожную хвіліну табе трэба азірацца і думаць: «А ці правільна я зрабіў? Ці не пакараюць мяне за гэта?» Вядома, на многія адхіленні

ад рэжыму вертухаі не звяртаюць увагі да пары да часу, пакуль не прыйдзе разнарадка аб тым, што ў ШІЗА мала народу, альбо пакуль пэўны зэк не пачне адстойваць свае правы. Тады табе хутка прыгадаюць і тое, што ў цябе лішняя ручка ў тумбачцы, і што няголены, і што павуцінне ў камеры вісіць. Калі ж ты палітычны зняволены, то гэта табе пачнуць прыгаварваць з самага пачатку. Фармаванне рэжымных патрабаванняў такім чынам, як яны ёсць зараз, значна палегчае задачу адпраўкі любога зэка ў ШІЗА і ўвогуле ўсебаковага прэсінгу. Не трэба нічога выдумляць, фальсіфікаваць, проста пачакай пару гадзін – зэк сам нешта парушыць, бо жыць цалкам па правілах немагчыма. Логіка рэжымнікаў прымушае зэкаў успрымаць любы мінімальны камфорт і любую магчымасць рэалізаваць свае патрэбы як прывілей, для захавання якога трэба паводзіць сябе цішэй вады, ніжэй травы.

З іншага боку, рэжым існуе для таго, каб прынізіць арыштантаў, прымусіць іх адчуць сябе бяспраўнымі і залежнымі ад адміністрацыі нават у самых элементарных патрэбах. Як вы думаеце, чаму ў СІЗА КДБ («амерыканцы») у палове камер няма санвузлоў? Няўжо няма сродкаў ці магчымасцей іх паставіць, і ў дваццаць першым стагоддзі ў камерах стаіць «параша», а «по-большому» выводзяць два разы на дзень? Адказ просты: арыштант павінен адчуць, што нават спраўленне ягоных натуральных патрэб цалкам залежыць ад адміністрацыі, таму падпарадкавацца ёй у астатнім – найлепшы выбар з магчымых.

І так ва ўсім. Ніколі не забуду, як стрыглі ногці ў камеры Валадаркі. Каб зрабіць гэту няхітрую гігієнічную працэдуру, якая на волі не зойме вашай увагі ні на грам, там трэба было правярнуць цэлую аперацыю. У нас у камеры былі кусачкі для ногцяў (вядома, забаронены прадмет). Спачатку іх трэба было незаўважна для вертухая, які мог у любы момант паглядзець у вочка, дастаць з хованкі, потым пранесці ў прыбіральню («мёртвую зону», што не праглядалася з вочка), там – адкрыць краны і толькі потым пачынаць стрыгчы ногці. Краны адкрываліся для таго, каб шум вады замянаў вертухаю пачуць характэрныя гукі «пстрык! пстрык!» і здагадацца, што ў камеры – забароненая рэч. Потым кусачкі трэба было такім жа чынам пакаласці на месца.

Паказальна, што на афіцыйным узроўні кожную забарону мянты намагаюцца тлумачыць нейкімі рацыянальнымі прычынамі: рамяні нельга, каб не павесіліся; тварог нельга, каб не патравіліся; адзенне з маланкамі нельга, бо ўсе павінны выглядаць аднолькава; харчаванне ў тумбачках нельга, бо «антысанітарыя» і гэтак далей. Але не кожную забарону падвядзеш пад рацыянальную прычыну, як ні біся. Навошта дакладваць: «В камере один осужденный, дежурный по камере осужденный такой-то (он же)»? Чаму не дазволіць зэкам сядзець з нагамі на ложку? Хіба гэта ставіць кагосьці ў небяспеку? Адказы на гэтыя пытанні можна знайсці. На дапамогу прыходзяць унутраныя дакументы ПУ, змест якіх мне давялося

пачуць асабіста. У час знаходжання ў ПКТ на ПК-17 (Шклоў), нам, зноў жа, «па рэжыме», уключалі вытрымкі з Правілаў унутранага распарадку і розных іншых нарматыўных прававых актаў. Сёе-тое з гэтага я запісаў даслоўна. На жаль, не памятаю дакладна назву гэтай пастановы. Вось сядзіш сабе ў адзіночцы, а металічны голас праз дынамік вяшчае: «Режим исправительных учреждений [...] Исправительная функция режима состоит в отношении осужденного в установлении запретов и ограничений. Цель запретов и ограничений состоит в причинении осужденному страданий и переживаний, которые призваны заставить его задуматься о своем прошлом поведении». Калі я першы раз пачуў гэта – не паверыў сваім вушам. А як жа Крымінальны кодэкс, у якім чорным па белым напісана, што «наказание и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства»? Нарэшце, ва «ўнутраных» прававых актах Сістэма сама зрывае маскі і дэманструе, што ёсць сапраўднай мэтай рэжыму. І ў зьска, які з першых дзён зняволення задаецца пытаннем: навошта ўсе гэтыя правілы, якія ніяк нельга растлумачыць, апраўдаць ці рацыяналізаваць, усё становіцца на свае месцы. Яны для таго, каб ты пакутаваў. А ўся афіцыйная балбатня вертухаяў пра «антисанитарию», «меры безопасности» і гэтак далей – не больш чым пыл у вочы, які пускаецца для таго, каб надаць хоць якую бачнасць легітымнасці і

гуманнасці людажэрнай і бесчалавечнай сістэме, мэ-та якой адна: зламаць тваю волю праз прычынненне пакут.

Цікава, што рэжым і ягоныя патрабаванні робяць сапраўднымі ідыётамі і без таго не надта разумных супрацоўнікаў ПУ. Аднойчы ў жодзінскай турме нам удалося-такі зацягнуць тэлевізар у камеру. Але ў бетоннай каробцы ён вельмі дрэнна лавіў сігнал, а перацягнуць яго бліжэй да акна было немагчыма: шнур быў кароткі, а падаўжальнік, вядома, «не положена». Так і застаўся ён у нас пасярод камеры. Але, калі ён стаяў на падлозе, яго не было бачна з іншых бакоў камеры, трэба было яго неяк прыўзняць. Выбар у нас быў невялікі, і мы паставілі яго на перагорнуты тазік. Праз некаторы час у камеру заходзяць рэжымнікі са шмонам. У галоўнага нахабны погляд, круціць галавой, шукае, да чаго прычапіцца. Натрэніраваны погляд заўважае адхіленне ад нормы – тэлевізар на перагорнутым тазіку:

– А что это у вас телевизор там стоит, на тазике?

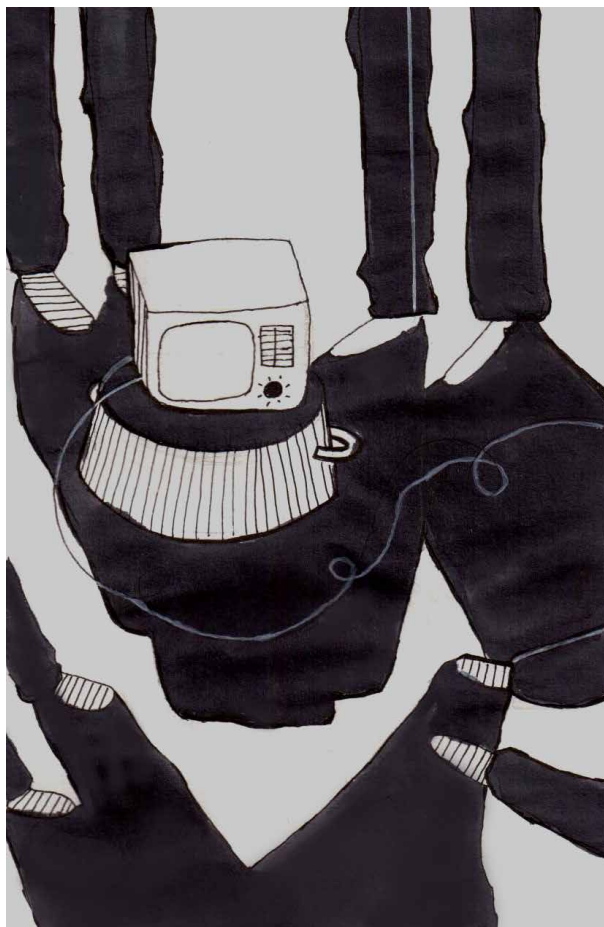
– Не видно же его, когда на полу, а до стола шнур не дотягивается.

Выраз твара мянта робіцца незадаволеным. Адступленне ад шаблону, нерэгламентаваная сітуацыя, трэба тэрмінова рэагаваць:

– Так это ведь тоже!.. – на секунду твар адлюстроўвае напружаную работу думкі, пошук рэлевантнай і праўдападобнай прыдзіркі. – *Износ тазика идет!*

Калі зачыніліся дзверы, мы рагаталі з гэтага мянта яшчэ паўгадзіны - ён зрабіў наш дзень. Падсумавалі: вось гэта лёс, дажыць да трыццаці з капейкамі, каб шастаць па камерах і расказваць зэкам пра «износ тазика». Што ж, такім можна толькі паспачуваць. Яны стваралі гэты рэжым для нас, але зараз яны, ягонья носьбіты, яшчэ менш вольныя, чым многія зэкi ў турме.

Ліпень 2016



НЕПРИКАСАЕМЫЕ В ТЮРЕМНОЙ ИЕРАРХИИ

Тема тюремной кастовой системы постоянно поднимается в СМИ, особенно тех, которые пишут про политических заключённых. Однако почти все, кто пишет на эту тему, знают о предмете в лучшем случае из рассказов бывших сидельцев, в худшем — из распространённых в обществе стереотипов. Как итог, часто имеет место множество грубых ошибок и введение читателей в заблуждение. Именно поэтому я решил написать данную статью, цель которой — пролить свет на некоторые аспекты такого сложного и многосоставного явления, как неформальная иерархия в тюрьмах Беларуси. На эту тему написаны не то что статьи (https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюремные_касты_в_странах_бывшего_СССР), но даже целые научные работы. И, конечно, я не стремлюсь в рамках одной этой статьи рассмотреть всё явление в его разнообразии. Речь пойдёт главным образом об одной тюремной касте, существование которой очень сильно характеризует систему в целом, и знания о которой критично важны для любого попадающего в беларускую тюрьму, особенно политзаключённого. Это — так называемые «петухи» («обиженные», «опущенные», «гребни» и т. п.) Рассмотреть эту тему в отрыве от всей тюремной системы, не вдаваясь в детали организации карательного аппарата и социальных ролей каждой из тюремных каст, достаточно тяжело. Но всё же попробую.

Итак, из этого текста вы узнаете:

- как появилась каста «опущенных» в тюрьмах;
- каким образом в неё попадают;
- каково положение этих людей в тюрьме и зоне (исправительной колонии);
- какие функции выполняют эти люди в местах лишения свободы;
- почему существование этой касты жизненно важно сотрудникам администрации исправительных учреждений (ИУ).

Закончу я рядом советов мужской части читателей, ведь для любого мужчины, живущего в Беларуси, знания о тюрьме лишними не будут, особенно если он занимается протестной активностью.

Как появилась каста «петухов»

Начнём с экскурса в историю. Каста т. н. «петухов» традиционно ассоциируется с гомосексуальностью. И если подходить с этой точки зрения, то всё просто: проявления гомосексуальности в местах лишения свободы были всегда: и в царских тюрьмах, и в ГУЛАГе. Ввиду крайне мачистского и гомофобного характера тюремных понятий и арестантской субкультуры, становится ясно, почему гомосексуал в тюрьме

автоматически заносится в низшую касту «опущенных» — мачизму свойственно презрение ко всему женскому, низведение женщин до уровня недолюдей, существ, не имеющих права на собственную волю. Это отношение переносится и на гомосексуалов. Собственно гомосексуалы — это меньшая часть касты «обиженных», в нее входит большое количество людей, совершивших проступки против неформального тюремного закона — «понятий».

И тут стоит отметить, что «петухи» как каста со строгими законами входа в неё и выхода (точнее, невозможности выхода) появилась не так давно. Она, например, не была свойственна царским тюрьмам и тюрьмам ГУЛАГа. Судя по тем источникам, которые читал я, появление касты тюремных неприкасаемых (в которую и входят гомосексуалы) относится к позднесоветскому периоду. Ряд исследователей считает, что появление касты заключённых, к которым нельзя прикасаться руками, является своеобразной реакцией воровского мира на «сучью войну» (<http://shalamov.ru/library/6/6.html>) — чтобы сохранить себя, «ворам» было необходимо выдумать альтернативный убийству способ наказания провинившихся. Другие пишут, что это стало реакцией на переполнение следственных изоляторов: в обстановке скученности и нахождения на виду у сокамерников в режиме 24\7 наиболее эффективным и жестким видом наказания будет являться всеобщее презрение и остракизм, экстремальная форма игнорирования.

О «мастях» – небольшой ликбез

Исторически в криминальном мире существует лишь три масти (или «образа жизни»): «вор», «мужик», «петух». По этим ступенькам можно спускаться вниз, от высшей («вор») до низшей («петух»). Вверх подняться нельзя. В современной криминальной субкультуре в Беларуси заключённые делятся на несколько иные касты, а именно: «блатной» («бродяга», «порядочный»), «мужик», «козёл», «петух».

«Блатные» — это профессиональные преступники, которые живут преступным промыслом на воле. Их задача — продвигать «воровскую идею», где бы они ни находились, налаживать «чёрный ход» (способствовать коррупции сотрудников администрации, переводить жизнь арестантов из русла официальных правил и установок в русло воровских понятий) и т. д. Согласно понятиям, только они имеют право перевести зэка в касту «опущенных». Однако ввиду того, что далеко не во всех белорусских колониях есть «блатные» («воровское движение» Беларуси вообще находится в состоянии крайнего упадка), это правило не соблюдается и в «петухи» переводит кто попало: оперативник, «козёл», а то и просто «мужики» после коллективного решения.

«Мужики» — основное население тюрьмы. «Мужик» никуда не лезет, ходит на работу, ничем не

интересуется, кроме того, как уйти на УДО. Находится под «перекрёстным командованием» сразу нескольких сил: «блатных» (если они есть), «козлов» и администрации ИУ.

«Козёл» (активист) — заключённый, сотрудничающий с администрацией в открытую. Это зэк, как правило, с большим сроком, которого администрация ставит на должность и даёт некоторую власть над другими зэками. Насколько велика эта власть, зависит от степени ленивости сотрудников ИУ. Мне известны случаи, когда «козлы» составляли на других зэков акты о нарушениях, сотрудники администрации же их только подписывали. Часто «козлам» позволяют бить других арестантов для поддержания субординации. И, конечно, вполне официально в обязанности «козлов» входит доносить на других заключённых. В ИК-17 (Шклов), например, один «козёл» мне прямо признался: «Мне мусора сказали за тобой смотреть». Ещё как минимум двое не признавались, но «работу» свою выполняли очень активно. В моём дисциплинарном деле об отправке на тюремный режим (крытую) лежат письменные показания моего соседа по комнате, в которых подробно записано, как меня привели в барак, как я себя вёл, с кем общался, с кем спорил, на какие темы высказывался и т. п.

Есть нюанс

Говоря же о касте «петухов», обязательно надо сказать, что помимо неё существует одна смежная «подкаста» – так называемые «отсаженные до выяснения», те, кто находится «на кружке». Объясняю, в чем суть: допустим, против человека выставили подозрение о том, что он, к примеру, имел гомосексуальные контакты на воле. Но весомых доказательств этому подозрению нет, есть только слухи. В таком случае, пока не наберутся подтверждения или опровержения этого обвинения, человек находится «на кружке»: он ест отдельно от остальных и только из своей посуды (отсюда и фраза: «отсадить на кружку»). В таком положении человек может находиться годами, до тех пор, пока «блатной» («козёл», или даже оперативник — в зависимости от учреждения) не подтвердит обвинение — т. е. переведёт его окончательно в касту «петухов», либо не опровергнет его (т. е. переведёт официально в касту «мужиков»). Положение такого человека «на кружке» очень близко к положению «петуха», *но не равно* ему. Он не может пить чай с другими зэками и не имеет права голоса, однако назвать его «петухом» никто не в праве. И это *единственный случай*, когда можно перевестись из низшей касты в высшую. Зэк «на кружке» находится как бы на «карантине» — во избежание физических контактов с другими осуждёнными — вдруг он «петух» и этими контактами «зашкварит» остальных? Ведь тот, кто, к

примеру, попил чай с «отсаженным», сам автоматически становится таким. В остальных случаях «отсаженный» или человек «на кружке» равно понятию «петух» и попасть в эту категорию проще простого.

Каким образом становятся «петухами»

Идём далее. Вот вам исчерпывающий список случаев, в которых человека переводят в касту «обиженных» («в петушатню», «в гарем»):

- Пассивный гомосексуализм. Человек, признавшийся в гомосексуальных контактах навечно получает ярлык «петух», «пидор» и т. п. Активный гомосексуализм при этом считается нормой и вообще не причисляется к гомосексуализму. Хотя стоит отметить, что в последние лет 10 и это понятие стало изменяться — к тем, кто имеет сексуальные контакты с «петухами» в зоне относятся настороженно. Сам я неоднократно слышал мнение, мол «какая разница, «кто кого» — и тот, и тот пидор». Однако, конечно, активного гомосексуала никто «петухом» назвать не вправе.

- Любые нетрадиционные сексуальные контакты с женщиной. Если зэк признается, что делал девушке куннилингус, либо же она делала ему минет, а после он с ней целовался\ел\пил из одной посуды — он «петух». Естественно, узнать об этом против воли самого человека почти нереально, поэтому в большинстве случаев люди попадают в «петушатню» после своих

откровений. Нужно понимать: никто не в праве ни угрозами, ни хитростью расспрашивать вас о вашей сексуальной жизни. Об этом, кстати, в 1990-е был специальный «прогон» (маява, содержащая правовое нововведение) от «воров в законе», которые таким образом пытались бороться с чрезмерным количеством «петухов» в зонах. В некоторой степени с подобными проблемами пытаются бороться и сотрудники ИУ. Например, в Жодинской тюрьме перед тем, как ввести человека в камеру, с ним разговаривает оперативник и наущает: «запомни, х*й не сосал, п*зду не лизал!»

Сюда же стоит отнести общение с гомосексуалом по воле. Если кто-то вдруг обмолвится, что его друг — гей, то этого человека самого мгновенно определяют в «петухи».

- Любые контакты с калом\мочой и содержимым мусорок. Человек, облитый мочой, или тот, который совал руки в унитаз, автоматически становится «петухом». Поэтому, например, сантехники на большинстве зон считаются «отсаженными».

Примером может стать один достаточно известный случай в ИК-5 (Ивацевичи). В одном из отрядов был завхоз (главный козёл отряда), который долго и упорно доставал одного паренька, всячески издеваясь над ним и третируя. Тот, в отместку, прямо на утренней проверке, набрав банку мочи, облил его перед всем строем. Естественно, парня избили и посадили в ШИЗО (штрафной изолятор). Судьба завхоза,

по идее, была предreshена, однако в дело вмешались оперативники, для которых, видимо, тот был ценным кадром. Они объявили зэкам, что завхоза облили... зелёным чаем. А кто будет говорить, что он «петух», будет бит. Закончилось всё тем, что с завхозом всё равно почти никто не общался. Парня же того перекинули на другую зону.

Также я лично знал «петуха», который попал в свою касту за то, что его во время драки на малолетке ударили головой об унитаз.

Что касается содержимого мусорок, то этим путём попадают в касту «петухов» те, кто чрезмерно хочет курить и ищет там бычки. Сюда же стоит отнести такие случаи, как неумышленные касания чьих-либо гениталий, например, у людей, поскользнувшихся в бане.

Правды ради, стоит сказать, что для людей с болезнью иногда (в зависимости от адекватности тех, кто вправе решать) делаются исключения. Например, если у человека недержание мочи, его не переведут в «петухи».

- Выполнение любой «петушиной» работы. Строго «петушиными» видами работ считается уборка туалетов (это относится к колонии; в СИЗО\крытой тюрьме убирать туалет в своей камере может любой осуждённый), в некоторых зонах — ещё и умывальников, а также вынос мусора. Совершение этих действий автоматически перенаправляет человека в касту «петухов».

Вот вам пример, который произошёл в ИК-15 (Могилёв) в мою бытность там. «Мужик» стоял на проверке. Вдруг его «припёрло» – очень захотелось в туалет. Он побежал что есть силы, но не добежал – обгадился, не дойдя до унитаза. Будучи, видимо, человеком стыдливым и совестливым, решил за собой убрать. Взял швабру, тряпку... Это увидел кто-то из зэков и позвал завхоза, что называется, в свидетели. Завхоз пришёл и засвидетельствовал переход человека в «петухи».

Неформальная норма недопустимости уборок туалетов очень удобна для сотрудников ИУ, когда нужно посадить какого-нибудь зэка в ШИЗО (штрафной изолятор). В каждом отряде существует официальный график уборок, не учитывающий, разумеется, кастовую систему. При этом все в курсе, что туалет убирают только «петухи». Политзаключённого Игоря Олиневича много раз сажали в ШИЗО за отказ убирать туалеты. Естественно, любой зэк в здравом уме согласится отсидеть сколько угодно суток в крошечном холодном чулане и без личных вещей, чем стать «петухом». Сотрудники ИУ это прекрасно знают и с удовольствием пользуются таким удобным орудием для прессинга неугодных.

Аналогичный случай произошёл со мной в ИК-9 (Горки). Когда я в очередной раз отсидел в штрафном изоляторе, ко мне вскоре подошёл начальник отряда и сказал, что сегодня я по графику убираю умывальник и выношу мусор. Ещё заранее я навёл справки и

узнал, что в этой зоне убирать умывальники можно только «петухам». Видимо, начальник отряда думал, что я этого не знаю и сейчас пойду чистить умывальник, поэтому в торжественной обстановке, собрав половину администрации колонии и местных козлов в свидетели, он указал мне на швабру и тряпку, предложив выполнить «дежурство по графику». Естественно, я отказался, после чего он не менее торжественным тоном сообщил: «На вас будет составлен документ об отказе выполнения дежурства». И вскоре я в очередной раз отправился греть своим телом доски в таком родном уже штрафном изоляторе.

- В «гарем» почти всегда попадают педофилы. Говорят, что в зонах насилуют насильников — однако это не так. Самое большее — с некоторыми насильниками кто-то из эков может отказаться пить чай, но не более того. Что же касается педофилов, то у них более незавидная участь. Буквально до недавнего времени их принудительно переводили в «петушиную» касту ещё в СИЗО, даже не дожидаясь приговора. Однако веяние времени и тренд «всё по закону» и тут сыграл свою роль. Лично я встречал как минимум двух педофилов, которые не были «отсажены» и жили почти наравне с остальными. Конечно, вели они себя тише воды, ниже травы, и не каждый ээк разрешит такому присесть на свою нару или вообще с ним заговорит. Однако эта тенденция присутствует, особенно в зонах, где сидят «первоходы» (лица, ранее не отбывавшие наказания в колониях).

- В «гарем» попадает каждый, кто провёл некоторое время в камере с «петухами». Конкретный период времени тут варьируется. Кто-то говорит про час, кто-то про сутки. По понятиям, при попадании в такую камеру необходимо сделать так, чтобы «петухи» сами из неё ломились, оставив в ней «мужика». Однако понятно, что физически сделать это почти нереально.

- В «петухи» переводится любой человек, имевший физический (кроме сексуального) контакт с «петухом» либо пользовавшийся его личными вещами. На практике это выглядит так: по ошибке взял в руки посуду «петуха» либо поел из неё, попользовался средствами личной гигиены «петуха», обнял или поздоровался за руку, надел его одежду (специально или неумышленно), или попил с человеком чай, а он оказался «петухом» — и ты автоматически определяешься в эту касту.

Давать что-либо «петуху» можно. Брать у него что-либо — значит самому стать «петухом». Однако в этих правилах есть некоторые послабления, особенно в зонах строгого режима. Например, «петухи» за сигареты стирают вещи «мужиков», «петуху» могут разрешить сесть на нару «мужика» и так далее.

Часто пишут или говорят, что в «петухи» могут определить за какие-то неблагоприятные поступки против арестантского этикета. Раньше так и бывало, но не сейчас. По крайней мере, я не наблюдал ни одного такого случая. Того, кто ворует у своих, могут

объявить «крысой» и всячески гнобить, того, кто сдал своих поделщиков на суде, могут за глаза называть «сукой» и так далее, но «опускания» за проступки — пережиток тех времён, когда в зонах Беларуси ещё были сильны воровские понятия.

Таким образом, понятие «законтаченности» чем-то сродни ритуальной нечистоты у иудеев, мусульман и парсов. И там, и там характерными признаками обычая являются иррациональность и суеверный страх перед «нечистотой». Только если, согласно Торе, человек, прикоснувшийся, например, к мертвечине, будет «нечист до вечера», то по понятиям человек, облитый мочой, будет «петухом» до конца своей жизни, даже если он освободится и заедет обратно в тюрьму через 30 лет.

Положение «петухов» в ИУ

Что представляет собой жизнь «петуха» в зоне? Если кратко, то это полный и крошечный ад. Согласно понятиям, «петух» не имеет никаких прав. Не имеет права спорить, отвечать на оскорбления, отстаивать своё достоинство, потому что считается, что достоинства у него нет. Его можно бить, унижать, насмехаться. Когда по коридору барака идёт обычный ээк и «петух», последний обязан прислониться к стеночке, чтобы не дай Бог не задеть «мужика», иначе он может быть бит. «Петухи» выполняют всю грязную работу: мытьё туалетов (а вы можете представить себе,

что такое 8-10 «толчков» на отряд в 100 человек), вынос мусора и тому подобное. Некоторые «петухи» оказывают сексуальные услуги другим зэкам, зарабатывая таким образом себе на чай и сигареты (правда, надо сказать, что на тех зонах, где был я, сотрудники ИУ с этим борются и если найдут «петуха» и его клиента, предающихся «однополый любви», обоих посадят в ШИЗО).

«Петухам» дают женские имена, называют их «она» или «малая». Признаюсь, довольно дико и тошно наблюдать, как молодые ржущие зэки обращаются, например, к 60-летнему беззубому деду «Алёнка» или «Марина».

«Петухам» ни на секунду не дают забыть о том, кто они такие. В столовую они заходят последними, моются в бане тоже последними. В клубе и ленкомнате (комнате, где смотрят телевизор) для них — отдельная скамейка в самом неудобном месте. Обращение «съ*бал на*й отсюда» в их адрес — вещь совершенно привычная и обыденная. Один уголовник мне упорно доказывал, что «"петухи" — это не люди».

Однако ещё хуже, чем зэки, к «петухам» относятся сотрудники администрации. Контролёры, а часто и офицеры, всячески их третируют, публично оскорбляют, угрожают, а в случае чего могут и избить. Будучи бесправными людьми со сломанной волей «петухи» ещё реже, чем обычные зэки, отстаивают свои права. Как итог — больше половины самоубийств, которые происходили при мне в тюрьмах и

зонах, совершали именно «петухи», хотя в процентном соотношении они составляют не более 3-5% от населения зоны. Что характерно, не лучше ситуация и в СИЗО, где «петухи» сидят в отдельных камерах. На «Володарке» такой «петушиной» камерой была 70-я. Как рассказывали парни, которые долго жили по соседству с ней, её обитатели резали себе вены едва ли не ежедневно.

Чем они занимаются?

Жизнь «на дне», постоянная ненависть и унижения едва ли из кого-то могут сделать высокоморальное создание. По моим личным наблюдениям, большинство «петухов» люди совершенно беспринципные, подлые, готовые на всё ради собственной выгоды. Хотя, конечно, данные качества не редки среди эзков в целом, среди «петухов» они, пожалуй, распространены гораздо больше. Абсолютное большинство «петухов» работают на администрацию: стучат, выполняют «оперативные задания», провокации и т. п. Необходимость как-то выживать в свержагрессивной и враждебной среде лагеря толкает их к союзу с наиболее сильной стороной — сотрудниками ИУ. Поэтому большинство функций, которые выполняют «петухи» так или иначе навязаны им оперативниками. В официальные обязанности «петухов» входит уборка туалетов (никто кроме них делать это не возьмется) и вынос мусора. Многие из них зарабатывают

себе на жизнь и уборками в комнатах. «Петухов» делят на «рабочих» и «нерабочих». Первые — это те, кто за вознаграждение оказывает сексуальные услуги другим заключённым (чай, сигареты, сладости). Вторые — это те, которые этого не делают, и, следовательно, принудить их нельзя. Многие считают, что в «петухи» попадают через изнасилование в тюрьме или на зоне. 15-20 лет назад так оно и было. На сегодня же такое в тюрьмах Беларуси практически не встречается. По крайней мере я не знаю ни одного такого случая, и никто из тех, кто сидел со мной, ничего подобного не рассказывал. Также и случаев изнасилований «петухов» против их желания при мне не было. Сегодняшние зоны в гораздо большей степени находятся под контролем администрации, чем ранее, и «петух», которого изнасиловали, может просто написать заявление на насильника, и тому накинута срок.

В чём выгода администрации?

Наверняка, пока вы читали эту статью, у вас возник вопрос: а почему государство и, в частности, администрация ИУ позволяет существовать в местах лишения свободы дикарской средневековой кастовой системе с её неприкасаемыми, слугами и проститутками? Ведь это негуманно, жестоко, и, в конце концов, не по закону, ведь согласно ПВР ИУ все заключённые должны подчиняться одним и тем же

требованиям, и ни о каком делении на касты не может идти и речи. Неужели сотрудники ИУ не могут это пресечь и восстановить пусть строгую и жёсткую, но всё же дисциплину?

Ответ прост: им это не надо.

За достаточно долгий срок, проведённый в карательных учреждениях, я успел много где побывать и много кого увидеть. Я посидел в четырёх тюрьмах и трёх колониях, общался с простыми «мужиками» и «блатными», бандитами, наркоманами, «коммерсами» и «положенцами» («положенец» - это «смотрящий», назначенный на должность воров в законе), мошенниками и убийцами, козлами и даже «петухами», и, конечно же, очень много общался с сотрудниками ИУ. Много размышляя над тем, как устроена карательная система Беларуси, я пришёл к однозначному выводу: блатная и милицейская системы руководства карательными учреждениями есть два столпа, которые поддерживают друг друга. Неформальная система понятий, придуманная «ворами», и Правила внутреннего распорядка сегодня скорее взаимно интегрировались, нежели находятся в состоянии войны и противоречия. Да, бесспорно, сотрудники ИУ насильно подчистили ту практику понятий, которая мешает управляемости и создаёт им неудобства. В частности — традиции взаимопомощи и солидарности среди зэков. В остальном мир профессиональных

уголовников и мир МВД неплохо ладят. Они получают друг от друга то, что им надо: сотрудники ИУ — спокойствие в учреждении, отсутствие ЧП и управляемость (зачем рулить сотней эков, если можно рулить одним «блатным»\козлом, который держит в страхе остальных?), а «блатные»\козлы получают привилегии и власть. Все довольны. Кроме, конечно, «мужиков», которые, как водится, оказались между двух огней и находятся, де-факто, в двойном подчинении. Многие старые арестанты, которые сидят уже более 10 лет и наблюдали за тем, как примерно с 2005 по 2010 годы все белорусские зоны из «чёрных» стали «красными», говорили мне в открытую примерно следующее: «А сейчас то же самое, что и раньше. Только вместо «блатных» — козлы. Если раньше водка и мобильники были у «бродяг», то теперь у активистов. Если раньше за косяки «мужиков» били «блатные», то теперь бьют козлы.

Что характерно, даже лица таких неформальных руководителей зачастую те же самые. Когда началась активная «ломка» зон и их перекраивание, как вы думаете, откуда оперативники брали верных и преданных активистов — завхозов и дневальных, готовых исполнить любой приказ? Их набирали из вчерашних «блатных», которые очень быстро предавали свою блатную идею, если им угрожали, например, отправкой в крытую или лишением привилегий, или же просто несколько раз сажали в их ШИЗО. Как результат, сегодня белорусскими зонами вместе с

администрацией управляют заключённые, «твёрдо вставшие на путь исправления» — при этом забитые с ног до головы воровскими татуировками, с накачанными вазелином кулаками.

Несмотря на внешнее противоречие в функциях, слияние уголовного мира и сотрудников ИУ заметно не только на институциональном, но и на лингвистическом уровне. Ни для кого из сидельцев не секрет, что сотрудники администрации не менее активно, чем эки, используют тюремный жаргон. Как я уже писал, тех же «петухов» они гнобят и унижают похлеще, чем уголовники. Да что говорить: среди самих же сотрудников ИУ существуют свои «отсаженные», являющиеся изгоями в кругу коллег. В мою бытность на ИК-15 (Могилёв) там работал «отсаженный» контролёр. Коллеги не пили с ним чай, он был единственным, кто мог «шмонать» (обыскивать) «петухов». И такие случаи не единичны: на ИК-14 (Новосады), по рассказам одного моего сокамерника, был даже отсаженный офицер, о котором коллеги прознали, что он «неправильно» занимался сексом со своей женой. Как результат — они перестали пить с ним чай и стали демонстративно презирать, более того, даже эки гнобили этого офицера совершенно безнаказанно. И таких примеров — немало.

Интересно, что многие эки на волне ужесточения режима и относительного улучшения положения «петухов» (лет 20 назад их били гораздо чаще, могли также и изнасиловать) высказывали мне мнение, что

скоро «петухов» не будет, потому что всех заставят убирать толчки». При этом часто добавляя, что, мол, власти нужно «выглядеть прилично перед Европой» (да, попадались и такие политические аналитики). Однако мне кажется, что этого в ближайшее время не произойдёт. Причина всё та же — существование касты «петухов» существенно облегчает управляемость зоны. Безо всякого сомнения, администрации белорусских зон могли бы заставить всех заключённых убирать туалеты и принимать пищу за одними столами независимо от «масти». Не будет по этому поводу ни бунтов, ни восстаний: максимум последствий, которыми чревато такое нововведение, — это несколько десятков особо упёртых сторонников понятий, которых придётся перевести в крытую. Большинство же эков в Беларуси настолько забитая и бессловесная масса, что принудить их к чему угодно не составит большого труда. А если ещё и пообещать за уборку туалетов УДО — они побегут убирать их на перегонки. Однако, как видим, администрация не спешит этого делать.

Ещё один немаловажный момент: существование данной касты оказывает сотрудникам ИУ неоценимую помощь в прессинге заключённых, которые отказываются подчиняться. В любой зоне и тюрьме всегда находятся отдельные люди, которые отказываются играть по правилам, установленным милицией. Либо это асоциальные личности, которые «газуют» (т. е. пытаются жить строго по воровским

понятиям), либо заключённые, пытающиеся отстаивать свои права, например, жалуясь в различные инстанции, либо же те, кто лишь по факту своего статуса будут подвергаться в тюрьме гонениям, например политзаключённые. Так вот, многих из перечисленных категорий людей уже не запугать ни лишением передач и свиданий, ни ШИЗО, ни ПКТ (помещение камерного типа), ни «крытой», ни 411-й статьёй УК. Вопрос: что же с ними делать? И тут на помощь приходит последний аргумент — «петушиная» каста. И тут даже те, кто не боится ни изолятора, ни дубинок, безусловно, задумаются. Ведь жизнь в данной касте — самое худшее, что может произойти с арестантом. Человеку с чувством собственного достоинства находиться в коллективе, обладая таким статусом, становится практически нереально. А выхода прочь из этой касты не существует.

Мне приходилось общаться с бывшим заключённым ИК-2 (Бобруйск), которому начальник колонии, в ответ на требования соблюдать закон и не нарушать его права ответил: «Ты что, забыл, где гарем находится?» И это далеко не единичный пример. Про использование этого орудия против политзаключённых и говорить не приходится. Лично мне известно как минимум три случая, когда политзаключённых загоняли в «петушиную» касту просто за то, что они политзаключённые. Во всех трёх случаях оперативная комбинация была очень похожей: по приезду политзаключённого в зону находится авторитетный

зэк («блатной» или козёл), который выдвигает против того обвинение в «косяке»: сидел ранее в одной камере с «опущенным», либо пил из «петушиной» кружки, либо же общался с «петухом» на воле. Естественно, это обвинение не имеет ничего общего с реальностью. Но, как по мановению волшебной палочки, из-под земли вырастает один или несколько свидетелей, подтверждающих: «Да, пил-пил, я сам видел!», или «Да-да, полоскался с пидаром по воле, я сам видел!», – хотя «обвиняемый» этих людей и знать не знает. И вот — можно выносить решение, всё по понятиям! Результат: политзаключённый отправляется в «петушиную» касту, исполнитель («блатной» или «козёл») получает подачку в виде свидания или передачи, а хитрый оперативник, разработавший весь план, получает поощрение от начальства.

Меня, к счастью, эта участь миновала, хотя попытки, как я писал выше, были. Впрочем, очевидно, чёткой установки загнать меня в «гарем» у администрации не стояло, иначе они бы непременно это сделали.

Такое единодушие неформальных тюремных элит с администрацией в отношении политзаключённых вновь позволяет мне говорить о том, что иерархическая карательная система всегда действует в едином русле, когда необходимо подавление и выдавливание чужеродных элементов — потенциальных бунтарей, которые могут самостоятельно мыслить и отстаивать свои права. И, конечно, сами

собой ложатся в эту канву аналогии с 30-ми-40-ми годами, когда уголовники приняли живое участие в ликвидации «троцкистов», «изменников родины» и прочей «58-й» (см. В. Шаламов «Жульническая кровь», Э. Эппбаум «ГУЛАГ», А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ, книга 3).

Да, эти две головы карательной гидры могут порой грызться между собой, но тем не менее они нужны друг другу, и в момент, когда необходимо будет уничтожение нам подобных, они непременно будут вместе.

Есть ли выход?

Здесь, думаю, будет уместно дать несколько советов, как поступать в случае, если вы, находясь в тюрьме, видите, что вас за неподчинение или за то, что «политический» (что чаще всего) пытаются определить или уже определили в «петушиную» касту.

Первое и самое главное — поменять своё отношение к происходящему. Всех нас, мужчин, учили, что «пидарас» — это обидно и мерзко, что быть таким позорно. И тут — коллектив взрослых и вроде как вменяемых мужчин говорит вам, что вы именно такой. Вам же необходимо в первую очередь понять, что в вашем текущем положении нет ничего постыдного или чего-то, в чём вы должны себя винить. Вы — не педофил, не насильник и даже не гей. Просто против вас использовали звериные кастовые нормы, господствующие

в тюрьме, для того, чтобы сломать вашу волю и понизить ваш статус в глазах остальных.

Что же делать?

Если процесс ещё не зашёл в необратимую стадию, например, вас закинули в «петушиную» камеру, или же эки публично провоцируют, задавая каверзные вопросы, имеет смысл сопротивляться до последнего — драться, совершать членовредительство, провоцировать любые конфликты, лишь бы выйти из данной ситуации, показать свою решимость идти до конца, отвечать на агрессию ещё большей агрессией. Если же момент упущен и вы уже в данной касте, то вам остаётся требовать у администрации своего законного права на обеспечение личной безопасности (Статья 11 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) — перевода вас в безопасное место (как правило, в одиночную камеру). Согласно этой статье, *«при возникновении угрозы личной безопасности осужденного, он вправе обратиться с заявлением об обеспечении личной безопасности к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание. В этом случае должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности осужденного»*. Мне неизвестно ни одного случая, чтобы осуждённому отказали в таком требовании. Однако всё может быть, и не исключено, что для пущего эффекта человека, объявленного «отсаженным» и потребовавшего увести его

из общего барака, могут специально там оставить — на ночь, например, дабы тот прочувствовал все прелести «петушиной» жизни. В этом случае, нужно быть готовым и к унижениям, и к драке, и к чему угодно. Опять же, это именно та ситуация, когда стоит идти на крайние меры в виде членовредительства или самозащиты всеми доступными способами. Стоит помнить — чем больше проблем вы создадите администрации, тем быстрее они обеспечат вам безопасность, ведь **пока что** перед администрациями ИУ не стоит цель физического уничтожения политзаключённых — речь идёт лишь о том, чтобы сломать морально. Лишний труп или инвалид в зоне им ни к чему.

Конечно, необходимо понимать, что обращение к администрации с заявлением о том, чтобы вас закрыли в одиночку, также является «косяком» с точки зрения понятий. Таких называют «ломанувшимися», «закрывшимися» и т.п. Согласно же понятиям, вы, если считаете, что вас «отсадили» «по беспределу» (т. е. несправедливо), должны найти вышестоящего в иерархии уголовного («смотрящего» или «вора в законе») и обратиться к нему с апелляцией, а уж никак не требовать от администрации посадить вас в безопасное место. Поступать так или иначе — решать вам. Однако моё мнение таково: апеллировать к понятиям, которые сами по себе являются инструментом ломания несогласных, как минимум нецелесообразно. Да и оперативники всегда найдут подход — «по-хорошему» или «по-плохому» — к любому уголовнику, который

принимает решения. И между спасением вашей судьбы и собственным благополучием он однозначно выберет второе. Со мной, кстати, был подобный случай в мою бытность в «Тюрьме №4» (могилёвской крытой), где правили бал «блатные». Правда, эта история заслуживает отдельного повествования.

Самое первое, что нужно сделать в подобных случаях, — это обнародовать произошедшее с вами, сообщив адвокату и родным, чтобы информация попала в СМИ. Они пока что ещё являются для политзаключённых каким-никаким щитом от откровенного произвола, поэтому необходимо прямо и открыто говорить обо всём, что с вами произошло: не стыдясь рассказывать и о кастах, и о «понятиях», и о провокациях оперативников. Ведь администрация, прессуя эсков подобным образом, как раз и играет на их мужских чувствах и ощущении стыда за то, что «я же теперь, как гомик». Благодаря этому абсолютное большинство подобных историй, происходящих, замечу, не только с политическими, никогда не выходят на волю. Люди просто стыдятся о них говорить, тем самым воспроизводя порочный круг молчания и позволяя сотрудникам ИУ и дальше использовать неформальные тюремные правила для давления на неугодных. Прекратить это можно, лишь начав говорить о проблеме вслух, поборов совершенно несомненный стыд и страх.

Хотя побывать в подобном положении мне не доводилось, но вероятность того, что по КГБшной указке

меня загонят «в гарем», я рассматривал постоянно. И путём долгих размышлений, наблюдений и анализа чужого опыта пришёл к выводу, что в случае чего буду вести себя именно так, как описано выше. Подытоживая, хотелось бы завершить это эссе чем-нибудь оптимистичным и жизнеутверждающим. Но реальность диктует немного другие тона. Количество людей, попадающих в тюрьмы за убеждения, постепенно растёт, а вместе с ними растёт и прессинг в местах лишения свободы. Немаловажной частью этого прессинга как раз и является та система каст и неформальной иерархии, которую я описал выше.

Уже не индивидуальная, а массовая система «отработки» особых категорий эков апробируется на заключённых-наркоманах. В зонах ввели новшество: профилактический учёт для «экстремистов» — их заставляют носить жёлтые бирки*. Логично предположить, что в свете радикального ухудшения социально-экономического положения в стране, следующими после наркоманов, для кого создадут отдельные зоны, как раз и будут «политические».

В общем, думаю, что всем нам, тем, кто сегодня стоит за перемены и свержение диктатора, стоит оставить иллюзии и понять, что легче не будет — будет только тяжелее. Безусловно, администрации ИУ продолжают использовать против политзаключённых прессинг с помощью воровских понятий — этот

*(<http://abc-belarus.org/?p=6821>)

инструмент удобен и не раз доказал свою эффективность. Изменить ситуацию к лучшему может только слом архаичной кастовой системы, а для начала — слом молчания и табу на обсуждения этой темы в обществе.

16-12 июня 2016



ЗАПАХ

Каждая тюрьма пахнет по-своему.

Вываливаясь из тесного автозака со своими клунками-кешерами, первое что видишь – изучающие рожи вертухаев. На подсознательном же уровне поры уже начинают впитывать запах той тюрьмы, которая станет на эти месяцы или годы твоим домом.

Володарка пропиталась тревогой. От «кабинетов» до «подлодки», от «сборки» до «кичи», от прогулочных двориков до санчасти, от нового корпуса до «красного корпуса» – её бетонные стены, местами отделанные кафелем, дышат тревожным ожиданием, беспокойством за собственную судьбу, неуверенностью в завтрашнем дне, пугающей неизвестностью. Куда же опер кинет? В «братскую» хату? В «мужицкую»? Или, может в «пресс-хату»? Следак пришел! Что там? Очная ставка? Подельник стал меня сливать? Или, может, уже будут с делом знакомить? Адвокат! Чего так рано-то? Недавно ведь приходил! Может, у родных что случилось?

24 часа в сутки это место впитывает душевные волнения и нервозность тех, кто в нём заточён.

СТ-8, она же «Жодино», она же «Черный бусел» (романтическую кличку дали тюрьме, я так подозреваю, для пущего пафоса и важности, сами же менты по аналогии с российским «Черным лебедем») пахнет страхом. Он въелся в истёртые ступеньки, надраенные полы, бетонно-металлические камеры, выкрашенные

бежевым стены и головы арестантов. На Жодино заключённых бьют. Корпусные и «резерв» бьют за отказ становиться на растяжку, за грубое слово в адрес контролёра, тюремные опера бьют за нежелание давать явки с повинной и за объявление голодовки. Жодино – «красная» тюрьма, в начале 2000-х в ней ломали воров в законе и всевозможных тюремных авторитетов. Их кровь продолжает пахнуть страхом, заражая им уже сегодняшних арестантов и опьяняя вседозволенностью вертухаев.

Могилёвская крытая — официально «Тюрьма №4» — пахнет сном. Персонал спокоен и невозмутим (хотя бывают и исключения), на проходах тихо, никто никуда не торопится: в воздухе витает сонная и флегматичная атмосфера. Примерно за час до отбоя по каждому продолу в крытой расстилается длиннющий ковёр: чтобы заглушать шаги контролёра. Я так и не выяснил для себя, зачем же это делается: чтобы громкими шагами не мешать зэкам спать или же чтобы те не слышали, как вертухай подкрадывается к двери и подслушивает, о чём беседуют в камере?

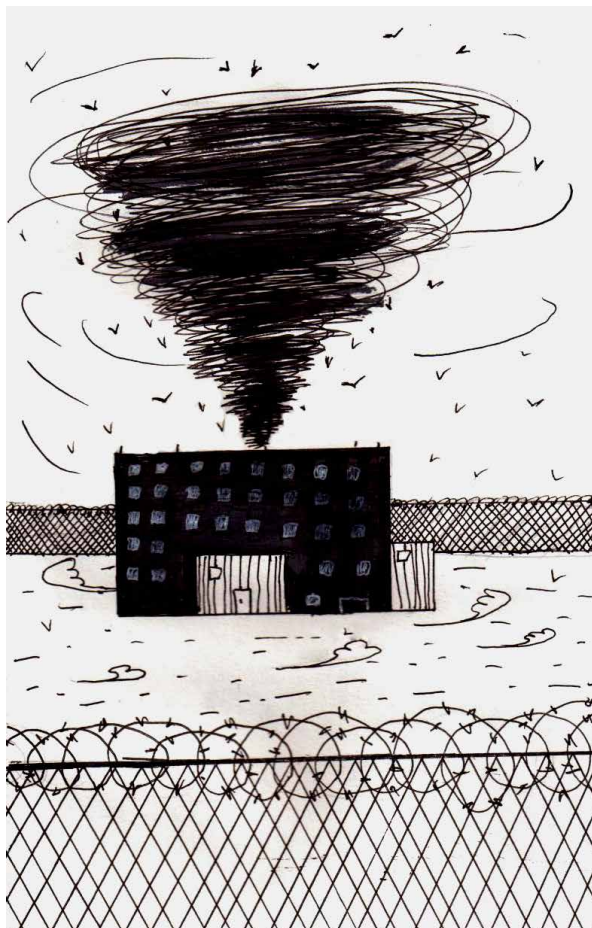
Ночью на этаже настолько тихо, что, лёжа на наре, слышишь, как вертухай готовит себе чай. Вот он закипятил электрочайник, залил кипятком, насыпал сахар, размешал... сёрбнул из кружки...

Интересно, ведь и в Могилёве зэков бьют, ведь и там кто-то ждёт нового срока. Но всё же — атмосфера совсем другая. Быть может это оттого, что половина тамошнего населения — люди со сроками от 10-ки и

больше? Им уже надоело бояться, незачем нервничать и нечего ждать...

Есть такая программа – «Битва экстрасенсов». Однажды, смотря на колдунов, делающих пассы руками и загадочно вглядывающихся вдаль, я подумал: вот бы они умели своими глазами видеть энергетику зданий и мест! Тогда над каждым из этих строений: Пищаловским замком, бывшей психиатрической лечебницей, переоборудованной в могилёвскую тюрьму, тюрьмой в городе Жодино – в местах, где злая воля людей, однажды причинивших боль своим ближним, встречается со злой волей государственной системы, синергетически умножая друг друга, – они бы увидели огромную, на полнеба, чёрную воронку, секунда за секундой вытягивающую жизнь из тех, кто под ней оказался.

Июль 2016



Эту небольшую статью я написал примерно на третий месяц пребывания в одиночной камере ПКТ шкловской колонии. Основой для неё стала широко известная в прошлом книга Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции», в которой изложен ряд древнегреческих мифов – пусть в достаточно усечённой и местами цензурированной форме.

Пребывание в одиночной камере приводит к тому, что вся энергия человека направляется внутрь: как правило, на мыслительный процесс. Не в силах обсудить свои мысли с кем-то, арестант изливает их на бумагу. То же было и у меня: ввиду отсутствия интеллектуального общения и возможности поделиться своими идеями, я оформлял их в какие-то статьи и заметки, чем убивал сразу двух зайцев: не позволял мозгу деградировать и давал выход жажде деятельности.

Конечно, эта статья не тянет на исследование, скорее, это просто небольшой аналитический набросок, рефлексия о прочитанном. И хотя тематика тюрьмы прямо в ней не затронута, я решил включить её в сборник: некоторые из высказанных мыслей могут оказаться кому-то интересны. И пусть профессиональные историки простят меня за несколько вольное обращение с мифологическим материалом.

БУНТ ПРОТИВ БОЖЕСТВЕННОЙ ИЕРАРХИИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Древнегреческая мифология, будучи одновременно и религией, безусловно, исполняла и идеологические функции — те же, что религия в любом классовом обществе: обоснование социального неравенства, поддержание существующего государственного устройства, закрепление иерархии в умах людей.

О том, что греческий Олимп и схема его взаимодействия с земным миром отражает, как в зеркале, земное общество с его системой классового господства, сказано и написано немало. Подобно земным правителям, боги Олимпа требуют от людей безоговорочного признания своего превосходства, а также поклонения и материальных жертв. В случае неподчинения человека ждёт жестокая кара. Да и на самом Олимпе равенства не наблюдается. Есть главные боги и есть подчинённые. На самом верху этой пирамиды стоит Зевс.

Но, как и в земной жизни, в греческой мифологии обязательно найдется белая ворона, «деструктивный элемент», способный разрушить вековый порядок. В нашем случае это либо тот, кто из самоуверенности и тщеславия заявит, что он равен богам и ничуть их не боится, либо тот, кто из стремления к справедливости потребует общественного равенства. И то

и другое по тогдашним меркам — страшное кощунство. Любой бунт, будь то восстание масс, защищающих свои права, либо частная инициатива низкородного властолюбца, взявшего «не по чину», подлежит усмирению, а сам инсургент — наказанию. Однако сам факт наличия подобных сюжетов в древнегреческой мифологии свидетельствует о неистребимом, идущем сквозь века стремлении человека сбросить ярмо угнетения и несвободы в реальном мире, каким бы божественным ореолом это ярмо не осенялось.

В древнегреческой мифологии, таким образом, мы без труда находим события и персонажей, не признающих верховную власть богов и их родственников-полубогов, являвшихся, обычно, земными правителями. Рассмотрим самые характерные мифы этой тематики.

СЫНОВЬЯ АЛОЭЯ

От и Эфиальт — сыновья Алоэя, рожденного, в свою очередь, от Посейдона и Канаки. Два этих сына были горды и не желали подчиняться никому. С детства они были храбрыми и сильными, отличаясь при этом необычайным ростом. Свое противостояние с богами они начали с того, что сковали цепями и заключили в темницу Ареса, бога войны. В темнице Арес томился долгих 30 месяцев, пока его не освободил Гермес.

Осмелев, От и Эфиальт стали грозить остальным богам:

– Дайте нам только возмужать, мы нагромоздим одна на другую горы Олимп, Пелион и Гессу, взойдем к вам и похитим у вас Геру и Артемиду!

Ответом на эти, уже нешуточные, угрозы, стали стрелы Апполона, пронзившие бунтарей. Отметим особо — сыновья Алоэя были из числа смертных.

От и Эфиальт умерли сравнительно быстро, и поэтому, как увидим позже, по сравнению с другими непокорными им еще повезло.

АРАХНА

Арахна — лидийская ткачиха, чьи работы славились на всю округу. Однажды, в пылу тщеславия, она заявила:

– Пусть приходит сама Афина-Паллада состязаться со мной! Не победить ей меня.

Афина явилась к Арахне под видом сгорбленной старухи, но прежде чем наказывать ткачиху, решила попробовать обойтись воспитательными мерами, а именно посоветовала Арахне состязаться лишь со смертными и поскорей молить Афину, чтобы та простила её надменные слова. Арахна не вняла совету старухи, грубо пресекла ее и лишь посетовала: «Чего же Афина не идет?» Тогда богиня приняла свой истинный образ. Нимфы и лидийские женщины тут же склонились перед Афиной и славили ее. Но не так-то была Арахна — она проигнорировала богиню, не воздав ей ни малейшей почести, и только настояла на

скорейшем начале состязания. Обратим внимание: судей на нем не было, они не избирались и не были назначены, хотя, казалось бы, куда в этой ситуации без них.

Афина сплела полотно с изображением своего с Посейдоном спора за власть над Аттикой. А по углам полотна она изобразила, как боги карают людей за непокорность (прозрачный намек). Арахна, в свою очередь, выткала на полотне сцены из жизни богов, где, однако, боги были представлены одержимыми человеческими страстями (а именно такими боги, заметим, и были на самом деле) и вообще без должного к ним уважения. Отмечается, работа Арахны по совершенству ничуть не уступала работе Афины. Что же делать богине? Как быть? Признать свое поражение? Конечно, это было немыслимым. Решение Афины было простым, как вертикаль власти. Она ударила Арахну челноком, а полотно лидийской ткачихи разорвала. Не вынеся позора, Арахна свила веревку, сделал петлю и повесилась. Однако мстительной Афине даже такой исход показался недостаточно назидательным. Она достала Арахну из петли, оживила и превратила в паука, обрекая, тем самым, на пожизненное занятие ткачеством.

Весь этот миф — просто-напросто квинтэссенция вопиющей несправедливости, основанной на «природном» неравенстве. Посудите сами, Арахна, вызвав Афины на честный поединок, рассчитывала на то, что и между богами и людьми должны быть единые для

всех «правила игры», и что и ей, смертной, может достаться победа, если объективно она одержит верх. Такой взгляд на веда предполагает большое доверие к сопернику, игру «на честность», ведь, вспомним, даже судей на состязании не было. Таким образом, поступок Афины выглядит вероломным и предательским, что, впрочем, саму Афины ничуть не смутило. Богиня доступно показала и Арахне, и всем окружающим, что она не Руссо и не Вольтер, и принцип равенства всех перед законом чужд ей в принципе. Зато вполне приемлемо «право сильного». Ведь, применив насилие в случае, когда ее соперница, как минимум, не проиграла, Афина подчеркнула изначальное, «неоспоримое» неравенство богов и смертных, в связи с которым вторые не могут рассчитывать даже на малейшую толику справедливого отношения со стороны первых. Этот миф всем своим содержанием как бы утверждает: «будь ты хоть семи пядей во лбу, будь ты хоть сто раз прав, боги все равно могут растоптать тебя просто потому, что они — боги».

ПРОМЕТЕЙ

Прометей — титан, сын богини Фемиды. В прошлом союзник Зевса в битве за власть на Олимпе, он впал к громовержцу в немилость за приверженность идеалам гуманизма. Живя на Олимпе в атмосфере вечного праздника, ни в чем не нуждаясь, он пожалел простых смертных. Видя страдания, на которые они

обречены богами, он похитил из кузницы своего друга Гефеста (кстати, сына Зевса) огонь, после чего доставил его людям. Мало того, Прометей, спустившись на землю, продолжал оказывать помощь смертным: одомашнил дикого быка, впряг лошадь в колесницу, научил людей искусствам, чтению, счету, письму, кораблестроению, открыл им силу трав.

Обратим внимание на то, что Прометей не просто дал людям какой-то разовый инструмент для облегчения жизни, а помог им усмирить силы природы, которые в то время отождествлялись непосредственно с силой богов. Тем самым Прометей сделал их гораздо более независимыми. Входило ли это в планы Зевса? Едва ли. Его слуги привели Прометея к скале, а приковать его к ней было поручено его же другу Гефесту, он же должен был пронзить грудь Прометея, прибив его к скале остриём. Мучаясь угрызениями совести, но не в силах противиться воле отца, Гефест продельывает все это.

Но есть ещё один аспект, не дающий Зевсу покоя, умножающий его гнев и подозрение к Прометею. Прометей знает тайну: как и когда Зевсу суждено быть низвергнутым с Олимпа, лишившись власти. Зевс рассчитывает, конечно, выпытать эту тайну у Прометея.

Один за другим посещают Прометея разнообразные божества: Океан, Океаниды, Гермес, на все лады уговаривая его покориться и открыть Зевсу тайну. Но Прометей остаётся непреклонен. С Гермесом он вообще был предельно прямолинеен:

- Я не променяю своих скорбей на рабское служение Зевсу. Мне лучше быть прикованным к этой скале, чем стать верным слугой тирана Зевса. Нет такой казни, таких мук, которыми бы мог он утратить меня и вырвать из моих уст хоть одно слово!

Ну чем не революционер?

За эту непокорность Зевс низвергает скалу с Прометеем в вечный мрак, где тот проводит долгие века. Подняв его вновь, Зевс уже готовит Прометею новую проверку на прочность революционного духа. Каждое утро к скале прилетает орел, который улетает, лишь выклевав Прометею печень.

За ночь печень отрастает, и с утра пытка повторяется. В то время, как низвергнутые Зевсом в период борьбы за власть титаны уже прощены и возвращены из Тартара на поверхность, как признавшие власть громовержца, Прометей остаётся непреклонным и с гордостью переносит свои страдания (заметим, участь заядлых врагов Зевса оказалась куда завидней участи попавшего в немилость союзника...) К нему приходит мать — Фемида и герой — Геракл, и все просят об одном: признать итоги выб..., тьфу, то есть признать Зевса верховным правителем и открыть ему Тайну. По-рыцарски отнёсся к Прометею Геракл: убил орла, так долго терзавшего титана. Тут же с Олимпа прилетел Гермес и в очередной раз пообещал Прометею свободу в обмен на Тайну. И тут в борце за справедливость что-то надломилось. Прометей сказал Зевсу, как избежать свержения: олимпийскому

альфа-самцу всего лишь надо держаться подальше от морской богини Фетиды, ибо любой сын, рожденный ею, будет могущественней отца.

Так Прометей обрёл свободу взамен на исполнение воли Зевса.

Миф о Прометее примечателен именно мотивацией, подвигшей героя на преступление против божественного порядка управления. Это не похоть и не упоение своей молодецкой силой, как у Ота и Эфльта, не самолюбование, вызванное наличием выдающихся художественных способностей, как у Арахны. В случае с Прометеем мотивация — живое сострадание, любовь к людям, чувство справедливости и неприятие рабства. И не важно, что Прометей, спустя долгие века, сломался, не выдержав мук. Отметим особо: будучи бессмертным титаном, он имел всё, был обласкан правителем и был вхож в высшие эшелоны власти. Однако всем этим о пожертвовал, чтобы чуточку уменьшить страдание людей в этом мире. Скажем прямо: Прометей — первый известный нам гуманист.

ТЕРСИТ

Вершиной эгалитарных эпизодов мифологии Древней Греции, на мой взгляд, является эпизод из Троянского цикла с воином по имени Терсит в главной роли. Речь здесь идёт уже не об индивидуальном бунте, а о попытке поднять народное восстание. Но обо всем по порядку.

Напомним фабулу Троянского цикла: сын царя Трои, Парис, посетив в Лаконии дворец местного царя, Менелая, будучи принят как почетный гость, вероломно увез из дворца его жену — прекрасную Елену (кстати, внебрачную дочь Зевса). Менелай стерпеть такого унижения не мог и, посоветовавшись со своим братом Агамемноном, решил пойти войной на Трою, дабы отомстить Парису и вернуть свою жену. Привлечь к этому походу в качестве хедлайнеров ему удалось едва ли не весь пантеон тогдашних героев: братьев Аяксов, Одиссея, Ахилла и многих других. Все они были высшей аристократией, сыновьями и внуками царей, а также богов и полубогов — обратим внимание на этот факт, он предельно важен. Помимо их, в походе приняли участие 100 тысяч воинов — очевидно, не аристократов, а свободных горожан и земледельцев. Осада Трои длилась 10 лет. На десятый год как раз и произошло интересующее нас событие.

Агамнемон решил в очередной раз напасть на троянцев под стенами города. Однако прежде он пожелал испытать свои войска на верность. Созвав народное собрание из всех имевшихся воинов, он обратился к ним, говоря о тяготах войны, бесплодности осады и о том, что, видимо, богам угодно, чтобы греки победили. Реакция воинов была мгновенной: как всколыхнувшееся море они бросились к кораблям, радуясь возможности вернуться на родину. Оно и понятно — простой парень из эллинской глубинки едва

ли страстно желал драться и умирать ради амурных предпочтений местного царька.

Тут на сцену вышла уже знакомая нам Афина-Паллада. Отметим, кстати, важный момент: миф о Трое это не сказка, не плод фантазии автора а, скорее, мифологизированная история — ведь он, не смотря на наличие сказочных персонажей, основан на реальных событиях. Так что и рассматривать произошедшее в дальнейшем мы будем как летопись исторических событий.

И вот, явившись к Одиссею, Афина-Паллада говорит, чтоб тот скорее вернул воинов на место. Дважды повторять Одиссею не надо. Выхватив у Агамнемона скипетр (знак верховной власти), царь Итаки стал активно убеждать воинов вернуться на собрание, столь активно, что скипетр ходуном заходил по спинам и головам дезертиров.

Автор умалчивает о том, были ли жертвы от этого «убеждения», но мне представляется, что не убив одного или нескольких воинов Одиссей едва ли мог остановить такую массу людей. А это у него получилось: воины вернулись на собрание и затихли, и лишь один Терсит не уgomонился и стал кричать. Терсит, сообщает автор, всегда смело выступал против царей (правды ради заметим, что Терсит сам был родственником Диомеда, царя Аргона). В этот раз он ополчился против Агамнемона, говоря, что тот уже взял себе много добычи и невольниц, и пора бы уже насытиться, а им, простым воинам, пора вернуться на

родину. Агамнемона же оставить под Троей одного — пусть воюет! А теперь вспомним, кем приходились большинство царей богам и станет понятно, как далеко замахнулся Терсит, на кого возвысил голос. В принципе, все в словах Терсита было логично и справедливо, однако дальше начинаются совсем уж странные вещи. К Терситу подошел Одиссей и сказал:

– Не смей, глупец, поносить царей, не смей говорить о возвращении на родину! Если я еще раз услышу, как ты, безумец, поносишь царя Агамнемона, то пусть лучше снесут мне с могучих плеч голову, пусть не зовут меня отцом Телемаха, коль не схвачу я тебя, не сорву с тебя всю одежду, и, избив тебя, не прогоню от народного собрания к кораблям, плачущего от боли.

В подтверждение своих слов Одиссей огрел Терсита скипетром по спине, да так, что у того из глаз хлынули слёзы. Далее, по словам автора, все громко смеялись и, глядя на Терсита, говорили:

– Много славных дел совершил Одиссей и в совете и в бою, но это славнейший из его подвигов. Как обуздал он крикуна! Теперь не отважится он больше поносить любимых Зевсом царей.

Тут, мне думается, автор очень грешит против истины, выставляя всех греческих воинов безнадежными идиотами без собственного мнения. Посудите сами: еще несколько минут назад воины рвались к своим кораблям, позабыв о «любимых Зевсом царях», и только грубая сила и авторитет Одиссея смогли

вернуть их на место. И тут же тысячи воинов, только что мечтавших поступить так, как предлагает Терсит, начинают смеяться над ним, хотя он выразил чаяния всех и каждого из них. Не будем забывать, что зачастую исторические события в летописях и мифах изменяются в угоду правящему классу, в нашем случае — в угоду царям-аристократам и их родне, которые, конечно, были заинтересованы в том, чтобы очернить Терсита, выставив его таким фриком, крикуном, которого бьют смеха ради. Скорее всего поступку Одиссея обрадовались и громко хвалили его такие же, как и сам он: цари, «голубая кровь» греческого войска, и, возможно, приближенные к ним воины из рядовых. Простые воины, мне думается, с грустью смотрели на эту сцену, но не решались открыто выступить в поддержку Терсита: за 9 лет осады они привыкли подчиняться своим вождям, да и к тому же прекрасно понимали, что в случае бунта Одиссея незамедлительно поддержит верхушка армии — отлично экипированные и опытные воины-аристократы и их приближенные. Поэтому именно сжавши зубы от злости и страха, а не весело хохоча, смотрели рядовые на унижение Терсита; такая версия, на мой взгляд, куда более правдоподобна.

Но на этом история Терсита не закончилась.

Из далекого Понта на помощь троянцам прибыли амазонки — в очередной раз закипел бой, в котором женщины сражались под предводительством царицы

Пенсефилии. В пылу сражения она была убита Ахиллом. Глядя на Пенсефилию, Ахилл понимает, что любит ее и в печали склоняет голову над убитой. Тут бы Пенсефилии открыть полные чувства глаза, Ахиллу — обнаружить под ее туникой бронежилет и поцеловать возлюбленную на фоне разгорающейся битвы, но всю малину вновь портит некстати объявившийся Терсит. Подойдя к Ахиллу, он стал бранить его (правда, из текста не ясно, за что), а потом, видимо, решив особо изощренным способом уязвить его, взял копье и проткнул им глаз мертвой Пенсефилии. Оправившись от шока, Ахилл ударил Терсита по лицу с такой силой, что убил его на месте. Бесславно закончилась жизнь этого персонажа, которого автор Троянского цикла так усердно обливал грязью.

Но попробуем и в этом эпизоде объективно взглянуть на произошедшее, руководствуясь здравым смыслом.

Во-первых, Ахилл принадлежал к героям-полубогам и был кровно заинтересован в победе греков над Троей — эта победа давала ему богатую добычу (в т. ч. рабов) и, наверняка, расширение своих владений, не говоря уже о славе и престиже. Во-вторых, до вступления Ахилла в бой (он ввязался в битву, когда она уже шла), амазонки серьезно теснили греков — те стали отступать и уже почти были прижаты к своим кораблям. Еще немного, и они сели бы в эти корабли. А куда бы они поплыли, сев в них, Ахиллу было предельно ясно. Для вождей сложилась крайне неприятная

ситуация... Достаточно было малейшей искорки, например, клича того же Терсита, и войско, показав тылы, «делает ручкой» своим начальникам: воюйте, мол, сами, а мы — домой. Прецедент уже был и он, конечно, свеж в памяти у Ахилла. В этой ситуации аристократия решила действовать на опережение, и в суматохе боя Ахилл убивает такого неудобного борца, как Терсит, ведь он может в любой момент воспользоваться ситуацией и взять реванш за недавний позор. Однако прямое убийство равного себе было формально непозволительно даже для Ахилла (ему пришлось впоследствии даже плыть на Лесбос, чтобы жертвоприношениями Аполлону и Артемиде очиститься от скверны пролитой крови), и автору мифа-летописи было жизненно необходимо дать убийству достойное оправдание, такое же, какое, видимо, дал сам Ахилл в кругу аристократов: Терсит-безумец измывался-де над мертвым телом... На самом же деле Ахилл попросту воспользовался (возможно, даже, по предварительной договоренности с другими аристократами) случаем, идеально подходившим для устранения опасного бунтовщика. Не буду утверждать, что эта версия событий единственно верная, но, думается, она вполне имеет право на существование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всех героев-бунтарей из греческих мифов, как «простых смертных», так и бессмертных, объединяет одно: все они, говоря по-простому, плохо кончили. Либо вынуждены были склониться перед волей богов, и потому лишь получали прощение, либо безжалостно уничтожались. Ни один не одержал победу в этом противостоянии. И это вполне закономерно, иначе и быть не могло — в древнегреческом мифе (да и, пожалуй, в древнегреческом сознании) просто не нашлось бы места такому персонажу, он выпадал бы из системы координат. Арахна побеждает в соревновании с Афиной и та, опустив голову, уходит с «поля боя». От и Эфиальт весело проводят время с женой Зевса... Такое для древнегреческого мифа, конечно, немыслимо. Отсюда вытекает важнейшая функция древнегреческой религии — воспитательно-идеологическая. Мифы были призваны со всей поучительностью показать: спор с богами и их заместителями на земле (царями, знатью) бесполезен, губителен для спорщика, а единственным его итогом станет безоговорочная победа вышестоящей по иерархии персоны. Так, через подчинение вождям небесным, в людях вырабатывали привычку подчиняться вождям земным.

Но, заглянув за ширму назидания и поучения, мы увидим самое главное — то, что двигало Одиссеем, бившим Терсита, Зевсом, терзавшим Прометея, Афиной,

доведшей Арахну до самоубийства. Мы увидим страх. Страх богов, казалось бы, могущественных и неуязвимых, перед огромной бесправной массой смертных, среди которой раз за разом рождаются смельчаки, открыто выступающие против «вековечного» порядка. И здесь становится ясно: мифология лишь отражает вполне реальный вековечный ужас правителей перед малейшей вероятностью народного восстания.

Впрочем, как ни пугали греческий народ поучительными мифами, а в нем неизбежно появлялись и продолжают появляться новые Терситы и Прометеи. И, хочется верить, однажды они заставят Олимп содрогнуться.

Октябрь-ноябрь 2012

...

Кто возомнил себя хозяином небес,
Того низвергнут в ад его же дети.
И с Хроносом, имевшим всё на свете,
Так поступили Посейдон и Зевс

Без страха пред Афиной став,
Её Арахна вызвала на спор
Бил консулов вчерашний гладиатор
За сто лет до распятия Христа

На власть восстать не каждому дано
Вслух объявить, что мёртв холодный идол,
И, хотя в жизни равенства не видел,
Меж громовержцем и рабом поставить знак «равно»

Хоть и сегодня не стихает свист плетей,
Герои прошлого, вы нами не забыты!
В Сети вещают новые Терситы
И льёт бензин в бутылки новый Прометей...

Март 2015



БОЖАЯ КАРА

Лета дзве тысячы трынаццатага. Спякота. Мы з Цыганом вырашылі схадзіць на штодзённую прагулку, змяніць пафарбаваны ў зялёнае бетон камерных сцен на шэры бетон прагулачнага дворыка. Наш сукамернік К. застаецца ў хаце.

Штодзённы знаёмы да болю маршрут. Дзверы расчыніліся, нам направа. Уніз па лесвіцы. Стомленая аўчарка, трое лягавых. Адзін лесвічны пралёт, другі, выходзім у дворыкі. Сем прагулачных дворыкаў магілёўскай крытай. Тыя ж камеры, але без мэблі і без столі. Замест столі – два рады сеткі з дроту. Рэжымнік Юра заводзіць нас у сёмы і зачыняе дзверы. Наша гадзіна пайшла.

Як звычайна, цешымся сонейкам. За гадзіну нашай прагулкі яно паспее спаўзці па сцяне на добры метр. Гаворым пра ўсялякую лухту, Цыган распавядае свае вяскова-наркаманскія гісторыі. Раптам чуем у суседнім дворыку гучны, залівісты, натуральны і шчыры смех:

– Ха-ха-ха-ха-ха! А-а-а-ха-ха-ха!

Потым зноў.

Першая думка: нейкую вялікую хату вывелі гуляць, вось яны там і веселяцца. Але прыслухоўваемся і разумеем, што чалавек адзін. Адзін? А з чаго можна так гучна і натуральна смяяцца аднаму? І тут прыгадваем: у адзін час з намі часта водзяць гуляць Лёшу Гуза.

Аляксей Гуз – своеасаблівая легенда магілёўскай крытай. Былы курсант Акадэміі МУС, прафесійны спартсмен. Па чутках, у свой першы прыезд адлупцаваў

цэлую змену мясцовых мусароў, калі яго заводзілі ў камеру. Тыя яму гэтага не даравалі і доўга потым здекаваліся...

Дваццаць пяць гадоў тэрміну за выкраданне Завадскага, саўдзел у забойстве азербайджанскай сям'і з пяці чалавек і многае іншае... Амаль адзінаццаць гадоў ён правёў у адзіночцы.

Няўжо ён там адзін, у дворыку? З чаго тады так залівіста смяецца? Мы сталі прыслухоўвацца. Хутка смех змяніўся спевам:

На спящий город опускается туман,
Шалют ветра по подворотням и дворам,
А нам всё это не впервой,
А нам доверено судьбой
Оберегать на здешних улицах покой!

Да! А пожелай ты им ни пуха ни пера.
Да! Пусть не по правилам игра.
Да! И если завтра будет круче, чем вчера,
«Прорвёмся!» – ответят опера...

Не, гэта было не так, як пяюць школьнікі на ўроках спеваў – абы пракрычаць тэкст. Голас быў цвёрды, упэўнены, фразы спяваліся з выразам, з душою, з нейкім патэтычным надрывам.

Мы з Цыганом пераглянуліся, усміхнуліся. Усё было зразумела без слоў. Праз некалькі хвілін, калі «Опера» скончылася, мы пачулі:

От улыбки хмурый день светлей,
От улыбки в небе радуга проснётся,
Поделись улыбкою своей,
И она ещё не раз к тебе вернется!..

Ён праспяваў песню цалкам. Ад першага да апошняга радка. Колькі там куплетаў ні было, але падобна на тое, што ўсе яны былі праспяваны. Па ўсім бачна, што ён яе завучваў.

Сонца зрушылася па бетоннай «шубе» на свой належны метр. Час прагулкі скончыўся. Загрукалі дзверы, Юра павёў дадому першыя дворыкі... Хлопанне дзвярэй, шарканне ног. Усе магчымыя гукі даўно вывучаныя - хутка і да нас дойдзе чарга, дзверы хлопаюць усё бліжэй. Выходзім. Назад нас вядзе толькі адзін лягавы. Гэта добра. Хачу ўпэўніцца, ці сапраўды ў суседнім дворыку быў Лёша Гуз. На пару секунд, праходзячы міма дзвярэй, адкрываю вочка і бачу: роўна пасярэдзіне бетонна-асфальтавага «пакою для прагулак» стаіць здамовы высокі барадаты мужык і, задраўшы галаву, глядзіць скрозь краты на сонца. Дзіўна – насіць бараду ў турме строга забаронена.

Я заплюшчыў вочы і падумаў: пяць чалавек, дваццаць пяць гадоў тэрміну, адзінаццаць гадоў у адзіночцы. Выпадковасцей не бывае, тым больш, калі справа датычыцца чалавечага жыцця. Цяпер я ведаю, як яна выглядае – Божая Кара.

Сакавік 2016

МАЎГЛІ

Яго прывялі ў нашу сто пяцьдзясят другую хату ўвечары. Худая, зарослая, мурзатая істота гадоў шаснаццаці на выгляд, са спужаным позіркам – якраз як зацкаваны звярок. Першыя некалькі хвілін мы наогул нічога не маглі ад яго дабіцца. Хто такі? З якой хаты? Ён толькі неўпапад матляў галавой, разгублена лыпаючы вачыма з-пад ілба. Нарэшце пасадзілі яго за стол, напайлі гарбатай і выцягнулі-такі тое-сёе. Знаёмцёся: Саша К., дваццаць адзін год, сам з Чэрвеня. Сядзеў у хатце са страгачамі³, але тыя яго «паставілі на лыжы»⁴ (забягаючы наперад, скажу, што далей мы добра зразумелі за што). Сядзіць за нейкі скрадзены заплечнік з фотаапаратам. Я жартам назваў яго Маўглі, бо ён і сапраўды быў нібы з лесу збегшы, да таго ж са смуглявым тварам. Мянушка хутка прыжылася.

Прайшло некалькі дзён. Сумеснымі высілкамі хата апраўналася, пастрыгла Маўглі і прымусіла памыцца – стаў больш падобны да чалавека. Пры сабе ў яго не было нічога, нават станка для галення, але ўсім неабходным мы яго забяспечылі. Саня не «грэўся» (нават лісты яму ніхто не пісаў), але, натуральна, еў, піў і паліў разам з усімі, бо жылі мы агульным.

3 Арыштанты, што ўжо адбывалі ў мінулым пакаранне ў месцах пазбаўлення волі.

4 Прымусілі звярнуцца да мянтоў з просьбай перавесці ў іншую камеру.

Неяк незаўважна, трохі разнявольіўшыся, пабачыўшы, што жывуць тут людзі, а не звяры, пачаў ён праяўляць сябе не з лепшага боку. То ўлезе ў чужую размову ды вярзе пры гэтым лухту, то каментуе, дзе не просяць, то лезе да кармушкі размаўляць з мянтамі, чаго рабіць зусім не ўмее, то агыркавецца на справядлівыя заўвагі. Пасля некалькіх такіх эпізодаў асноўным метадам размовы з ім стаў крык. На Маўглі сварыліся з ранку да вечара, бо не праходзіла гадзіны, каб ён што-небудзь не «накасячыў». Але Саню было хоць бы што.

Мяне ж ён зацікавіў як «рэдка від». На волі, вядома, з такімі людзьмі мець зносіны не даводзілася, а тут – калі ласка, колькі заўгодна. Я быў у хаце, пэўна, адзіны, хто на яго не крычаў (ну, шчыра кажучы, амаль не крычаў) і размаўляў як роўны з роўным, хоць і было гэта няпроста. Хутка ў біяграфіі Маўглі высветлілася шмат цікавых рэчаў: бацька ягоны сядзеў шмат гадоў на Глыбокім (ПК-13), што з маці – няясна, ну а сам Маўглі жыве з цёткай, якая яго, відавочна, недалюбівае. Рос хлопец сам па сабе, прынамсі, прымет мэтанакіраванага выхавання ў яго асобе я не заўважыў. Ледзь не ўсё жыццё Сані прайшло на вуліцы: бухаў, «факаў» клей, краў. Па ягоных словах, скончыў ПТВ, але пры гэтым амаль не ўмеў пісаць, ды і прачытаць больш за некалькі радкоў для яго было непасільнай справай. Развіццё ягонае, па маёй ацэнцы, цягнула на ўзровень адзінаццаці-дванаццацігадовага. Часам я глядзеў на Маўглі і думаў: вось табе і дваццаць першае стагоддзе ў цэнтры

Еўропы... Пад носам у хвалёных сацыяльных і адукацыйных службаў ды той жа інспекцыі па справах непаўналетніх вырас дзікун, які ў дваццаць адзін год не ўмее чытаць. І ўсё, што яны здолелі з ім зрабіць, гэта пасадзіць у турму. Зараз жа з верагоднасцю ў дзевяноста дзевяць працэнтаў ён будзе ўсё жыццё бухаць, сядзець, красці і калоцца. І ўсім усё роўна. Усім... Акрамя мясцовага РУУС, якому ён робіць статыстыку.

Але калі да Маўглі не было справы дзяржаве, дык была справа няўрадавым арганізацыям: Саня яшчэ падлеткам ездзіў у Італію па Чарнобыльскай лініі. Падрабязнасцей я ўжо не памятаю, толькі памятаю, як ён распавядаў аб сваім званку італьянцам адсюль, з Беларусі: «Звоню, она берет трубку... Ну я: “Привет!” Она: “Пронто! Пронто!” А я ей: “Х...ёнто!” – и бросил трубку!» На гэтым месцы Маўглі заліўся смехам, відавочна, задаволены сваім тонкім гумарам.

Яшчэ ў Маўглі была астма. Часам ён заходзіўся цяжкім кашлем і тады прасіў у кантралёра балончык з аэразолем, які яму не далі ў камеру (бо ён быў металічны), пакінулі ў ячэйцы на прадоле. Балончык, дарэчы, быў «ад італьянцаў». Але, нягледзячы на жудасныя прыступы, Саня і не думаў кідаць курыць.

Дні ішлі, Маўглі рабіўся ў хаце яўным ізгоем. Не ўмеючы паводзіць сябе прыстойна, Саня да таго ж увесь час «пароў касякі» – то «запарафініць» агульную рэч, то нап’ецца на ноч чыфіру і потым уначы ванітуе, не даючы іншым спаць. Акрамя таго, яго прыходзілася ўвесь час прымушаць мыць свае рэчы і

ўдзельнічаць у прыбіранні хаты. Зразумела, на яго бясконца лаяліся. Першым часам я яго нават абараняў – шкада было глядзець, як ён скукожваўся ад грознага рыку і вылученых вачэй сукамернікаў, – і сам спрабаваў не раз і не два размаўляць па-добраму, тлумачачы правілы жыцця ў хаце. Дапамагалі мае «душавыратавальныя» гутаркі ў лепшым выпадку на паўдня, таму пасля чарговай спробы я іх закінуў. Як сказана раней, «жорсткія» метады таксама не дапамагалі ў яго выхаванні. Да таго ж хутка мы зразумелі адзін цікавы псіхалагічны нюанс: Маўглі проста жыццёва неабходна было знаходзіцца ў цэнтры ўвагі, нават калі гэта ўвага выражалася выключна ў лаянцы і крыках. Дзеля таго каб быць «зоркай хаты» і цягам усяго дня чуць размовы пра сябе, ён гатовы быў цярэць і абразы, і напады, і пагрозы. Ужо ў наступныя гады я зразумеў, што гэта асобны тып людзей, які асабліва яскрава праяўляе сябе менавіта ў камернай сістэме. Яны знарок напружваюць тых, хто іх акружае, каб любым коштам замкнуць іх увагу на сабе.

Хутка ўсе шляхі выхавання (акрамя, бадай, фізічнага) скончыліся. Яго прасілі, на яго крычалі, усяляк пагражалі, пужалі, пазбаўлялі цыгарэт, спрабавалі ігнараваць. Але ўсё гэта толькі больш распаляла нашага Маўглі, бо ён яўна адчуваў, што намаганні ўсёй хаты, а значыць, і ўвага, скіраваныя на яго. Ён пачаў выказваць незадаволенасць: маўляў, да яго дрэнна ставяцца. Папярэдзваў кантралёра, што «ўскрыецца», аб'яўляў галадоўку (якая доўжылася 15 хвілін, да

першага баршчу, прынесенага баландзёрам), а аднойчы нават напісаў заяву оперу. На сшыткавым аркушыку хвалістымі радкамі, ледзь разборлівымі, невагодна крывымі літарамі было напісана прыкладна наступнае (перадаю блізка да арыгінала):

заявлене

прашу пиривисти миня вдругую хату патамушта у миня 1000 касиков явсем мишаю наминя пастаяна арут

...і гэтак далей.

Праўда, заяву гэту ён так і не падаў. Затое працэс яе складання і абмеркаванне самога ўчынку Маўглі зацягнуліся на паўдня. А большага Саня і жадаць не мог.

Пасля Новага года (надышоў 2011 год) мяне адправілі ў бальнічны корпус жодзінскай турмы – лячыць уросшы ногаць на назе. Праз два тыдні я вярнуўся, але Маўглі ў хаце ўжо не было. І вось што мне распавялі пацаны. Амаль адразу пасля майго адыходу Саня нібы з ланцуга сарваўся: ці то ў яго адкрылася псіхічнае захворванне, ці то ён удала яго сімуляваў. А ў прыватнасці: барабаніў у сцены без дай нагоды, нёс лухту горш ранейшага, хаваўся за дзвярыма прыбіральні, краў рэчы з агульнага «катла», а потым наогул скраў і схаваў у сябе чужы ліст. Хутка ён пачаў атрымліваць ад хлопцаў «ляшчэй», бо трываць ужо не было ніякай магчымасці. У выніку мянты, пэўна,

зразумелі, што з Санем нешта не так, і забралі яго ў санчасць.

Прайшло амаль тры гады. Я зноў у жодзінскай турме, але ўжо не ў рангу падследнага – перавялі з магілёўскай «крытай» лячыць страўнік, бо ў Жодзіне філіял Рэспубліканскай турэмнай бальніцы. Выклікаў опер, відаць, каб прабіць, што я за «пасажыр». На сцяне ў апярскім кабінеце фотаздымкі асуджаных з графілактычным улікам. Прабягаючы вачыма па радку «Схільныя да суіцыду і членашкодніцтва», я сустракаюся позіркам з Маўглі. Вось табе на! Так, сапраўды ён. І прозвішча супадае. Пэўна, заехаў ужо, вызваліўшыся, па другім разе, а можа, ужо і па трэцім.

Вярнуўшыся ў хату, я стаў прыгадваць усё тое, што распавёў вам. Узгадаў балончык ад астмы, позірк ваўчанняці, суцэльна гнілыя ў дваццаць адзін год зубы, патлы, што падалі ў тазік з мыльнай вадой, калі мы галілі Маўгліну галаву... І чамусьці на розум прыйшло пытанне: а што з Санем станецца, калі ён памрэ? На жаль, было мала сумневу ў тым, што пражыве ён доўга, калі толькі не сядзе на доўгі тэрмін і турма яго не «закансервуе».

А хто па ім будзе плакаць?

Ці будзе каму несці ягоную труну?

Ці атрымаецца, як з бальзакаўскім «Айцом Горыя», які паміраў амаль у поўнай адзіноце, і патурбаваліся ягоным апошнім шляхам, лічы, чужыя людзі?

Родных у Маўглі няма, сябры ёсць наўрад ці, а калі ёсць – гэта яўна не лепшыя прадстаўнікі чалавечага

роду... Падумалася, як жа сумна і няўтульна так не толькі жыць, але і паміраць, калі ты зусім адзін... А яшчэ падумалася, што той, хто кінуў мяне ў вязніцу за палітычнае злачынства, і той, хто зрабіў Маўглі крадуном і маргіналам на ўскрайку жыцця, – гэта адзін і той жа Левіяфан.

Сакавік 2015



УЛЕТЕВШИЕ

Лето 2012 года. Город Шклов, ИК-17. Одинокaя камера ПКТ: один день сменяет другой такой же – я сам выдумываю им наполнение, чтоб не заскучать. Вот прошёл обед, баландёр забрал миски. Делать нечего, настроения читать или учиться нет, зато послеобеденная жара клонит в сон. Я расстелил свой клифт под столиком (чтобы в глаза не бил свет от лампы), под голову – учебник арабского и приготовился скоротать во сне ещё один час ещё одного дня.

Устроившись поудобнее, начал было засыпать, как вдруг в конце прохода послышалось жужжание электронного замка, а потом лязг металлической решётки. «Кого-то привели», — подумалось мне. Как раз около 15 часов в зоне каждый день проходят «крестины» (дисциплинарная комиссия), где начальник зоны раздаёт экам сутки ШИЗО, месяца ПКТ, а также лишения свиданок и передач.

... Топот как минимум двух человек. Ага, отрядник привёл своего эка. Интересно, в ШИЗО или в ПКТ? Тут с прохода раздался хриплый прокуренный голос, орущий что есть мочи:

Ра-а-а-цветали яблони и груши!

Зацвели туманы над рекой!

Выходи-ила на берег Катюша...

Всё ясно. Это Коля.

Коля — зэк, поехавший крышей, мужик лет 50-55, а может и младше — уж очень нездорово выглядел. «Улетевший», как таких часто называют арестанты. Про него, как и про каждого такого, ходили легенды: якобы ходит по зоне без бирки, не бреется, посылает ментов на х*й, орёт что ему вздумается и где вздумается. В моменты же особых обострений его и сажают в ШИЗО — чтоб совсем уже не бесновался.

Дали Коле 10 суток. Для него они, конечно, были весёлыми, но явно не для остальных зэков и не для ментов. Развлекался Коля тем, что после приёма пищи не отдавал баландёру алюминиевую миску. Держать их у себя в камере ШИЗО или ПКТ было запрещено, поэтому после каждого приёма пищи их забирали. Но только не у Коли. Частенько после обеда, завтрака или ужина приходилось слышать на продоле такой диалог:

Контролёр: Поел?

Коля: Поел.

Контролёр: Давай миску.

Коля: Пошёл на х*й!

Контролёр: Давай миску сука пидарас бл*дь!

Коля: Пошёл на х*й!!!

... далее следовали препирательства на протяжении минут 15-ти, после чего разъярённый контролёр открывал решётку, сам забирал миску, попутно давая Коле по печени.

Зэки же не любили Колю за его ночные фокусы. Днём он отсыпался, а ночью брал цепь, которой пристёгивалась нара, и бил этой цепью по наре, создавая адский грохот на весь барак, не давая спать ни зэкам, ни контролёрам.

Отсидев ту десятку (уже не первую за срок), Коля куда-то пропал. По слухам, его вывезли на ПО (психиатрическое отделение) — так зэки называют тюремную «психушку», находящуюся на ИК-3, в Витебске.

* * *

Потеря человеком рассудка в тюрьме — явление довольно частое. Мало того, что в тюрьмы часто попадают люди с «ограниченной вменяемостью» либо умственно отсталые, так ещё и сама тюрьма способствует развитию разного рода психических расстройств. Вот как об этом писал в «Записках революционера» Пётр Кропоткин:

«Подо мной сидел крестьянин, по фамилии Говоруха, знакомый Сердюкова, с которым он перестукивался. Против моей воли часто даже во время работы я следил за их переговариванием. Я тоже перестукивался с ним. Но если одиночное заключение без всякой работы тяжело для интеллигентных людей, то гораздо более невыносимо оно для крестьянина, привыкшего к физическому труду и совершенно неспособного читать весь день подряд. Наш приятель-крестьянин чувствовал себя очень несчастным. Его привезли в крепость, после того как он

посидел уже два года в другой тюрьме, и поэтому он был уже надломлен. Преступление его состояло в том, что он слушал социалистов. К великому моему ужасу, я стал замечать, что крестьянин порой начинает заговариваться. Постепенно его ум все больше затуманивался, и мы оба с Сердюковым замечали, как шаг за шагом, день за днем он приближался к безумию, покуда разговор его не превратился в настоящий бред. Тогда из нижнего этажа стали доноситься дикие крики и страшный шум. Наш сосед помешался, но его тем не менее еще несколько месяцев продержали в крепости, прежде чем отвезли в дом умалишенных, из которого несчастному не суждено уже было выйти. Присутствовать при таких условиях при медленном разрушении человеческого ума — ужасно”.

Не менее ужасно наблюдать последствия этого разрушения.

На той же ИК-17 (Шклов) в ШИЗО при мне сидел Кузя — петух. В ШИЗО он сидел не в качестве наказания а как на БМ-е. Туда его спрятали от зэков. Проблема Кузи была в том, что он вёл себя неадекватно, в частности — гадил под себя и вообще где попало. Если верить рассказам зэков, таким он стал в результате регулярных побоев в отряде. Кузю били до того, как он стал «срать» — за то, что петух и, скорее всего, за то, что «ненормальный». А потом, продолжили бить — уже за то что «срался», и жить с ним рядом в бараке было невыносимо. Кроме побоев были и увещевания — ему много раз давали чистую одежду и постельное бельё,

но всё было тщетно. От греха подальше администрация нашла «замечательный» выход: посадила Кузю в «безопасное место», которое по условиям содержания отличалась от ШИЗО только тем, что там на полу валялся матрас. Каждые несколько дней я слышал крики дневального, матерившего Кузю на чём свет стоит: матрас регулярно бывал обгажен. Говорят, мать, приехавшая к Кузе на свидание, была в настоящем шоке и долго требовала у начальства объяснить, что они сделали с её сыном...

Там же, на семнадцатке сидел ещё один персонаж — не помню его имени. Его посадили в одиночку за то, что тот имел привычку воровать у других жителей барака. Несколько раз зэки его били, пока он сам не попросился его спрятать. На него почти каждый день находило буйство — он начинал издавать из камеры громкие нечленораздельные звуки и шумно материться непонятно на кого и на что. Это продолжалось часами. Но однажды он даже стал колотить нехитрую ПКТшную «мебель», и лишь тогда менты зашевелились — как же, казённое имущество портит! — и прислали врача. Вертухаи скрутили бедолагу, и врач что-то ему вколол, после чего звуки начали постепенно идти на убыль и через полчаса стихли совсем.

Иной раз под крышей в ИК-17 собиралось сразу несколько психически нездоровых, и тогда начиналось настоящее веселье. Представьте себе: продол с 24-мя камерами, деревянные двери, через которые слышно всё, что происходит внутри, и бетонные стены,

создающие отличную акустику. Ты сидишь в своей камере один и слушаешь одновременно доносящееся с нескольких сторон:

- Э-э-э... Э-э-э... Ы-Ы-Ы... Ы-Ы-Ы...

- Бл*дь на*уй ё*аны в рот! Пидары бл*дь!!!!

- А-а-а-а-а-а!!! А-а-а-а-а-а!!! А-а-а-а-а-а!!!

... и так на протяжении многих часов — пока у товарищей психов не закончится запас энергии. В такие моменты начинаешь сомневаться, что ты в тюрьме, а в не дурдоме — и начинает казаться, что сам постепенно сходишь с ума.

Как я уже писал, многие «улетевшие» становятся настоящими знаменитостями: проблемных эков перекидывают из зоны в зону, и слава идёт впереди них. К числу таких относится Хоккей — арестант с ИК-15 Могилёва. Ссутуленный мужик около 40 лет, с постоянной щетиной. Срок — 25 лет. Как говорят эки, за убийство КГБшника. Первые 5 лет как осуждённый по «особо тяжкой», он просидел на гродненской крытой, где, видимо, и тронулся умом — либо же КГБшники отбили голову. Подробностей никто не знает, т. к. близко общаться с Хоккеем невозможно.

Один из самых известных приколов о Хоккее — радиопередатчик в его шапке. Он считает, что менты установили ему туда микрофон, и поэтому его часто можно встретить разгуливающим по локалке и бубнящим в шапку проклятия и отборную ругань в адрес милиции, государства и Лукашенко. Любит Хоккей обругать и беларусов (за то, что выбрали Лукашенко),

особенно во время просмотра телевизора. Хотя среди эзков сторонников Лукашенко найдёшь едва ли, но за оскорбления в адрес беларусов Хоккей неоднократно был бит. Сам он, кстати, россиянин.

Он любит изобретать замысловатые ругательства и записывать их в тетрадку. У Хоккея было много общих тетрадей, исписанных мелким почерком от начала и до конца. Те, кто имел возможность с ними ознакомиться, говорят, что это просто бессвязный и необъяснимый поток сознания, ругательств и бреда.

Но наиболее неиссякаемым источником веселья для эзков было то, как Хоккей ведёт себя с мусорами. Как-то он набрал из столовой каши-сечки, и выложил её посреди локалки на газетку, подписав: «Для Махоуни» (Махоуни — кличка бывшего начальника ИК-15 по фамилии Маханьков). А однажды просто ходил по локалке, во весь голос сквернословя в адрес «Махани и Толкачихи». Его вызвала к себе администрация: начальник колонии Маханьков и его заместитель Толкачёв. Задали вопрос:

- Кто такие Маханя и Толкачиха?

- Это мои московские шлюхи! - Хоккей честно поехал в ШИЗО.

Однажды в могилёвскую колонию приехали какие-то курсанты. Пройдя по «центральной аллее» они пошли дальше — осматривать зону, один курсант отстал и начал оглядывать зарешёченные локальные участки вокруг себя. На его несчастье в одном из них стоял Хоккей. Вцепившись руками в решётку, он уставился

курсанта сумасшедшими глазами и цедил в его сторону какие-то немыслимые ругательства:

- Чё смотришь, сука бл*дь... Приехали пидарасы, свинобыдло е*аное...!

Курсантик счёл за лучшее догнать своих...

Не знаю, били его менты на пятнадцатке или нет, но в ШИЗО он катался регулярно. Впрочем, на его поведение это никак не влияло.

Но самым активным рассадником умопомешательства среди эков является, безусловно, крытая. В группе риска — люди с большими сроками, как те, кто сидит в одиночках, так и те, кто сидит в общих хатах. Стеснённое пространство, постоянные конфликты, ругань, накалённая атмосфера, страх, невозможность сменить обстановку, провокации и издевательства со стороны ментов, долгие годы заключения впереди и, как следствие, — безысходность, очень этому способствуют.

Одиночек на всех не хватает, поэтому администрация часто сажает «ненормальных» в кичу. Однажды, сидя в тамошнем ШИЗО (оно, ко всему, ещё и находится в подвале), поздно вечером, в одной из соседних камер внезапно стали раздаваться громкие ритмичные удары и дикий вопль:

- Лю-ди!!! Лю-ди!!!

Удары не прекращались добрый час, перемежаясь криками: «Выпустите меня отсюда!!!» пока корпусной не пришел и не надавал тумачков буяну. На тот день он успокоился, но на следующий всё началось вновь.

Я стал интересоваться у пацанов в соседних камерах, что там происходит, но кроме «у кого-то из нечисти крышу сорвало», так ничего и не добился. Сказать, что я испытывал к этому человеку сильное сочувствие, было бы лицемерием. Но, постаравшись представить уровень страха и отчаяния, который заставил его, сидя в подвале крытой тюрьмы, молотить ногой в двери и звать «людей», я по-настоящему ужаснулся. Однообразие, безнадёжность, давящая камера кичи, психическая болезнь и, наверняка, огромный срок впереди — это настоящая бездна.

Стоит заметить, что у большинства «улетевших» помешательство проявляется периодически, время от времени. Случаются и периоды просветления. Таким был, например, Саня по кличке Шрек — ещё один обитатель могилёвской крытой. Этому парню не было и 30 лет. В детстве он учился в школе для детей с задержками психического развития. Родители у него если и были, то в тюрьме не помогали никак и, отсидживая свой срок за убийство, «грева» он не получал вообще. Держали его, как правило, в одиночке, потому что ни с кем не уживался. Обычно в его камере было тихо, но время от времени оттуда начинала раздаваться ругань в адрес мусоров — как по поводу так и без. Вымещал свою злость он, как правило, на контролёрах, которые заглядывали в кормушку во время раздачи еды. Но хуже всего было, когда у Шрека кончались сигареты. Поскольку денег для отоваривания в лавке у него не было, он занимался тем, что

клянчил их у ментов. На день ему давали около 5 штук «Примы». Если давать переставали, он начинал орать и бить в двери, ломать камерную мебель, умывальный, бить стекло в оконной раме. В знак «протеста» против жадности ментов он отказывался идти на прогулку, сопровождая это отборной руганью в их адрес.

Менты били Шрека часто. Иногда прямо в камере, иногда выводя на «сборку», но всегда - без особого эффекта. В моменты особого буйства, когда шум из его камеры совсем уж доставал продольных, они просто вызывали врача, который делал ему укол (как говорили зэки — аминазина), и на какие-нибудь сутки Шрек успокаивался.

Но как Хоккей был знаменитостью в ИК-15, так знаменитостью могилёвской крытой была Ира. Одна из немногих повстречавшихся мне женщин-крытчиц, она сидела со мной в соседней камере: я был в 18-й, она в 19-й. Уровень помешательства, который она демонстрировала, был просто ужасающим. Каждый день из 24 часов в сутках примерно 5-6 часов — независимо от времени суток, это могло быть и раннее утро, и поздняя ночь — из её камеры доносился непрерывный бессвязный текст, представлявший собой поток больного сознания. Воспроизвести даже маленькую его часть я никак не могу — память отказывалась это фиксировать. Скажем так, она начинала говорить о чём-то, например, о самолётах, или об увиденном по телевизору, или о планетах и галактиках,

говорила об этом несколько предложений, потом, цепляясь за последние слова предложения, начинала от них уже новую тему — и так бесконечно. Что было для меня самым поразительным, она не просто говорила, она кричала, орала настолько громко, что её было слышно на всём этаже, а если она подходила к окну — то и на всех остальных этажах. Свою речь она неизменно перемежала угрозами и матерщиной в адрес мусоров. Изысканно и вычурно материла их и когда её выводили на прогулку. Те легавые, что поумнее, просто молчали, более ущербные начинали лаять её в ответ.

Ира активно общалась с соседними хатами через «решку» — выпрашивала сигареты. И горе было той хате, из которой в её адрес была сказана грубость или проявлено неуважение: она вылазила на подоконник и часами поносила её обитателей — и это слушала вся тюрьма. В отместку ментам за то, что не дают сигареты, или просто ради развлечения она могла стать голой на ежедневной проверке. Или начать тарабанишь в батарее глубокой ночью, лишая сна, фактически, весь этаж. В таком случае приходил врач и колол Ире аминазин.

А вот те эки, кто с ней переписывался, говорили, что, судя по вполне осмысленным и даже литературным письмам-малявам 39-летней Ира — вполне приличная женщина с высшим образованием, у которой на воле осталась дочь. Именно стремясь обеспечить её Ира, как говорят, и взялась таскать из России

наркотики, за что и получила 12 лет колонии строгого режима...

Человека, потерявшего рассудок, администрация рассматривает, как досадное недоразумение. Если он «тихий», то есть своим помешательством не нарушает режим содержания (таких полным-полно), на него вообще никто не обратит внимание. Ну сошел с ума человек — с кем не бывает? Ни о каком лечении говорить не приходится: в тюремной аптечке есть только валерьянка (от всех нервных расстройств) и аминазин для успокоения буйных. Говорить про профилактику психических расстройств в ИУ и вовсе смешно. В каждом исправительном учреждении всего один психолог (кстати, мент в форме, что явно не способствует доверительным отношениям между ним и зэками). В зонах, где работа со «спецконтингентом» поставлена хоть на какой-то, пусть показушный, уровень, он встречает приезжающих с этапа и общается с ними, иногда — может организовать посещение модельной комнаты или церкви. На этом всё. По режиму он обязан проводить регулярные беседы с каждым осуждённым, но реально ли это, если в колонии, например, 1 500 человек? В некоторых колониях я за всё время нахождения там психолога не видел вовсе. То есть человек числится в штате, заполняет какие-то бумажки, делает вид, что чем-то занимается, получает за это зарплату — но при этом реально не выполняет совершенно ничего. Ну а далее ДИН отчитывается в МВД о «психологической работе» и «индивидуальном

подходе» к осуждённым, МВД, в свою очередь, вешает лапшу на уши международным организациям — как качественно и гуманно работает в Беларуси пенитенциарная система — и все довольны. Зато тюрьмы и колонии продолжают перемалывать чьи-то мозги, готовя к выходу на волю моральных инвалидов. Карательная система построена так, чтобы работать со следствиями, а не с причинами. Повесился кто-то в камере? Зачем выяснять, что к этому привело, лучше отобрать по всей тюрьме шнурки, ремни и нитки — чтоб не смогли повеситься, даже если очень захотят. Кого-то сорвало с катушек и он/она стал(а) молотить по дверям ногами с дикими криками? Вколоть ами-назина — пусть на другой смене вопит, сколько хочет! И всем плевать, в чём причина: режимники отправили назад передачу от родственников, на воле мать умерла или просто отчаяние довело до неадекватности.

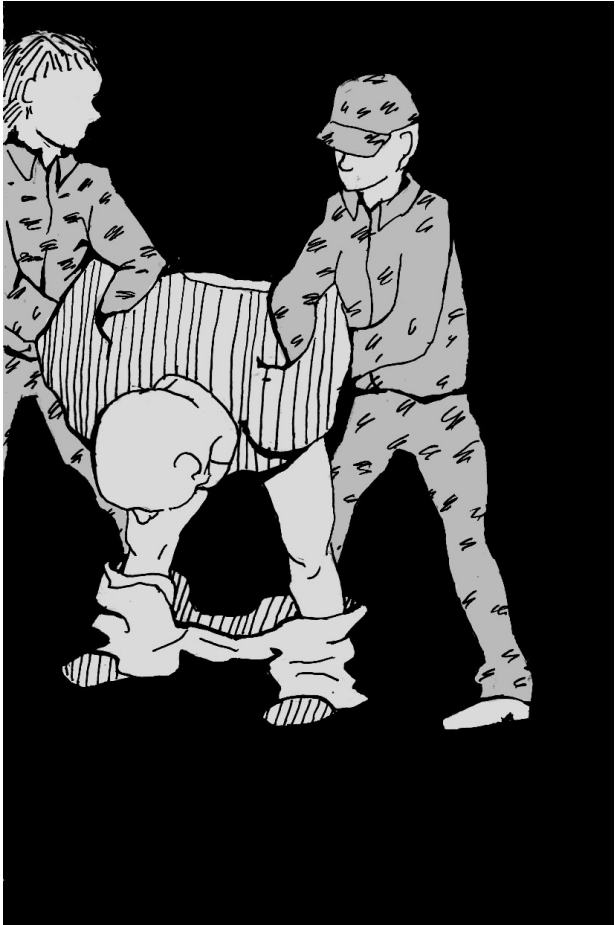
Психически больных в тюрьме никто не лечит. На пресловутое ПО в ИК-3, Витебск, отправляют только тех, кто уже полностью потерял дееспособность — не может работать либо держать его в ШИЗО стало уже невыгодно. Как и в любом аспекте Системы, их волнует только твоя функциональность: выполняй, что тебе сказано, и не отсвечивай, будь ты хоть сто раз параноик, шизофреник или просто дурак. О качестве же лечения в тюремной «дурке» ИК-3 мне судить сложно, но я ещё не видел ни одного человека, который хотел бы туда вернуться...

* * *

Осень 2012 года. Город Шклов, ИК-17. Я досиживаю свои последние месяцы в ПКТ — впереди суд на «крытую» и этап в Могилёв. Закончился обед — сегодня были макароны, разваренные до состояния однородной массы. Что ж, пришло время поспать. Подготовил свою привычную «лежанку», закрыл глаза и уже начал было отрубаться, как в начале продола раздались привычные звуки — жужжание электрозамка. Кого на этот раз? Дослушав, когда зэка доведут до дежурки, я уже почти заснул — и вдруг был выброшен из состояния полусна пронзительным голосом, похожим на карканье вороны:

Ра-а-а-цветали яблони и груши!

Июль 2016



ЖЫЦЦЁ ЦУДОЎНАЕ

Чарговыя дзесяць сутак ШІЗА ў шклоўскай калоніі № 17. Гэтым разам мне пашчасціла: я ў хаце не адзін, нас ажно трое. Гэтак і цяплей, бо батарэі амаль не грэюць, і весялей, бо ёсць з кім прабавіць час. Адзін мой сусед – маладзён з адным годам тэрміну, яму вызваляцца праз пяць дзён. Другі – Саня, па мянушцы Лётчык. Сівыя валасы, хаця самому яшчэ няма сарака гадоў. Стомлены голас. Погляд старога воўка. Сядзіць ужо трынаццаць гадоў, а наперадзе яшчэ сем – побытавае забойства. За тыя дзесяць сутак, што мы правялі разам, я пачуў ад яго шмат цікавага: як ён да пасадкі паспеў паслужыць у арміі (ягоная служба якраз прыпала на перыяд распаду саўка); як на пачатку свайго тэрміну «блатаваў» на Оршы (ПК-8), дзе быў сведкам «чорнага ходу»: блатных разборак проста ў зоне, ледзь не вольнага карыстання мабіламі, застаў мянтоў, гатовых за грошы прынесці любую наркату. Ён памятаў, як раней сядзелі зэкi ў ШІЗА па прынцыпе «дзень лётны, дзень нялётны» (гэта значыць адзін дзень кармілі гарачай пайкай, а другі – кавалкам хлеба і кубкам кіпеню), і многае-многае іншае.

Але не гэтыя аповеды, а філасофія жыцця Лётчыка прымусіла ягоную асобу назаўжды ўрэзацца ў маю памяць.

Неяк я трохі прымаркоціўся. Не памятаю ўжо нагоды: ці то пасля чарговай бяссоннай ночы, ці то пасля

чарговага мусарскога выбрыку, але раздражняльна-сць, што назапашвалася шмат дзён, вырвалася з мяне вонкі з патокам нематываванай лаянкі на гэту ўстанову, на мянтоў і ўвогуле на наш сённяшні стан. Лётчык слухаў. А потым пагадзіўся:

– Да, базара нет. Зона здесь, петушок. То ли дело на «восьмерке»! Бывает с утра, пока все спят, выйду в локалку, сяду на скамеечку с чаем... Солнышко светит, птички поют. Настроение – за*бись... А ты не переживай. Скоро выйдешь обратно в ПКТ, заваришь чайку... Да и срока у тебя понты. Не гони...

Ён памаўчаў, зірнуў на мяне сваімі стомленымі, крыху вар'яцкімі вачыма і дадаў:

– Жизнь прекрасна. Даже здесь...

Жыццё цудоўнае. Нават тут... Гэта фраза ў маёй галаве адначасова адбілася пячаткай і забіла званам, выклікаўшы нябачны выбух у нейронных сетках. Я замаўчаў. З кожнай хвілінай яе сэнс даходзіў да мяне ўсё больш.

Уявіце сабе: душная, змрочная бетонная каробка, у якой ноччу адціскаешся і прысядаеш, каб сагрэцца і паспаць, у якой сядзіш столькі, колькі захоча начальнік зоны. За межамі «каробкі» – лагер, з агрэсіўным, у большасці здрадлівым і пакорлівым насельніцтвам, людзі, да якіх не варта паварочвацца спінаю, а таксама звыклыя да беспакаранасці мянты з садысцкімі схільнасцямі, якія не бачаць у табе чалавека. Няма правоў, няма волі, няма жонкі, якая б прыязджала на спатканні, няма дабрабыту і простых чалавечых

радасцей. І так ужо трынаццаць гадоў, а яшчэ сем наперадзе. Але: «Жыццё цудоўнае. Нават тут...»

Гэта сіла волі, прага да жыцця ўразілі мяне і ўсялілі вялікую павагу да гэтага чалавека. Колькі жыццёвых сіл, імкнення да свабоды і духу трэба мець, каб гэтак разважаць у ягоным стане, і наколькі смешна пасля гэтага наракаць на свой лёс большасці з тых, хто лічыць, што ў яго ў жыцці праблемы!

* * *

Ужо потым, калі пасля «сямнашкі» мяне сустрэла крытая са сваімі «блатнымі» і «аўтарытэтамі», калі цэнзары і оперы стосамі выкідалі мае лісты, ізалючы ад навакольнага свету, калі ў Жодзіне «вертухаі» ставілі да сценкі, білі па нагах і закоўвалі ў кайданкі за тое, што «палітычны», калі ў той жа крытай па дваццаць сутак не вылазіў з ШІЗА, калі за пяць дзён да вызвалення дадалі яшчэ год тэрміну, калі ў Горках пазбаўлялі спатканняў з роднымі і адвакатам, кожны раз, раней ці пазней, калі мне вельмі хацелася разгубіцца, замаркоціцца і пашкадаваць сябе, перад вачамі ўсплываў твар Лётчыка і ягоныя словы:

– Жизнь прекрасна. Даже здесь...

Студзень 2016

ЖЫЦЦЁ
ЦУДОУНАЕ

—

НАВАТ
ТУТ



АДКРЫТЫ ЛІСТ

У любой турме высілкі яе супрацоўнікаў скіраваныя на тое, каб не даць вязню змагацца за свае правы. Вялізную ролю ў гэтым іграе, акрамя фізічнай пагрозы, ізаляцыя ад соцыуму і крыніц інфармацыі. У сярэдзіне лістапада 2014 г., сядзячы ў адзіночнай камеры магілёўскай крытай я даведаўся аб узбуджэнні супраць мяне новай крымінальнай справы па артыкуле 411 КК РБ, што значыла: замест хуткага вызвалення дзевядзецца сядзець яшчэ адзін год. Паўплываць на гэты факт я быў не ў стане, хіба толькі забіць сябе, каб не было каго судзіць. Адзіным даступным сродкам барацьбы заставаўся аркуш паперы і асадка. Я мусіў, наколькі гэта магчыма, прыцягнуць увагу грамадскасці, у тым ліку міжнароднай, да наяўнасці гэтага артыкула і практыкі яго прымянення супраць палітвязняў і простых крымінальных вязняў, што змагаюцца за свае правы. Так нарадзілася ідэя напісаць адкрыты ліст у СМІ.

Але напісаць – нават не палова справы, а адна дзясятая яе. Як пераправіць яго на волю? Турэмныя адміністрацыі рэдка выпускаюць нават афіцыйныя скаргі ў ДВП, не кажучы ўжо пра разгромныя лісты ў прэсу. Я мусіў пайсці на хітрасць, раскрываць якую тут не выпадае. Скажу толькі, што вынікам яе сталі ўзмоцненыя шмоны пры выхадзе да адваката, а таксама пагрозы перавесці мяне ў горшую камеру. Але гэта мяне ўжо мала турбавала – сваю справу я зрабіў.

Напісаны ў сакавіку 2015 г. ліст ужо ў красавіку дзякуючы маім бацькам і папличнікам быў пераведзены на

рускую і англійскую мовы, перададзены прадстаўнікам Еўрасаюза ў Беларусі, дыпламатам з амерыканскага па- сольства, апублікаваны ў газеце «Народная воля» і ў мно- стве беларускіх інтэрнэт-СМІ.

«Вітаю! Мяне завуць Мікалай Дзядок. Звяртаюся з гэтым лістом да ўсіх, для каго словы «справядліва- сць», «гуманізм» і «чалавечая годнасць» не пусты гук.

26 лютага гэтага года я быў асуджаны па частцы 1 артыкула 411 Крымінальнага кодэкса на 1 год пазбаў- лення волі. Назва гэтага артыкула – «Злоснае непад- парадкаванне патрабаванням адміністрацыі папраў- чай установы». Прысуд мне вынесены ў турме за пяць дзён да заканчэння майго папярэдняга тэрміну – ча- тыры гады шэсць месяцаў. Адзначу таксама, што мне прызначана максімальнае пакаранне па гэтым арты- куле – адзін год з магчымага аднаго года. У 2012 г. па гэтым жа артыкуле быў асуджаны ўжо былы палітыч- ны зняволены Зміцер Дашкевіч.

У чым жа складалася маё «злачынства»? У шаснац- цаці дысцыплінарных парушэннях без нечага за два гады знаходжання ў турме № 4, у прыватнасці: на- шэнне спартыўнага касцюма, перамовы з суседнімі ка- мерамі і хаджэнне па камеры пасля 22 гадзін. Немала- важна тое, што за кожнае з гэтых шаснаццаці пару- шэнняў я ўжо быў пакараны ў дысцыплінарным пара- дку, атрымаўшы вымову або ад пяці да дзесяць сутак ШІЗА (штрафнога ізалятара), адседзеўшы ў штраф- ным ізалятары толькі ў гэтай турме шэсцьдзясят сутак.

У Канстытуцыі, Крымінальным і Крымінальна-выканаўчым кодэксах Рэспублікі Беларусь дэкларуецца мноства добрых прынцыпаў і правоў, але ўсе яны застаюцца затапанымі ў гразь, пакуль у Беларусі дзейнічае артыкул 411 КК, які дазваляе адправіць чалавека ў калонію на адзін год (або на два – па частцы другой гэтага артыкула) за нашэнне ці ненашэнне прадмета адзення, за размову з суседам па камеры. Ці ёсць такая жahlівая і абсурдная прававая норма яшчэ дзе-небудзь у свеце?!

Першапачаткова артыкул 411 уводзіўся ў КК для барацьбы з крымінальнымі аўтарытэтамі ў месцах пазбаўлення волі і крымінальнымі «паняццямі», якія засталіся Беларусі ў спадчыну ад крымінальнай супольнасці часоў СССР. Аднак сёння крымінальныя «паняцці» практычна паўсюдна пераможаны ўладай, а артыкул застаўся і ўсё больш актыўна ўжываецца да палітычных зняволеных і іншых зняволеных, якія хоць бы неяк змагаюцца за свае правы. Ужо сама фармулёўка артыкула адкрывае найвялікшую прастору для маральнага гвалту і зневажання чалавечай годнасці. Прыклад: турэмны кантралёр (наглядчык) плуе на асфальт і дае асуджанаму ў рукі швабру: «Прыбірай!» Той адмаўляецца: «Не буду!» Чатырох такіх адмоў дастаткова для ўзбуджэння крымінальнай справы! Гэты выпадак мне распавёў адзін з асуджаных, і нават калі ён у чым-небудзь непраўдзівы альбо перабольшаны – усё адбываецца ў рамках закона, і гэта самае страшнае. У поўнай адпаведнасці з

законам зняволенага можна пасадзіць за чатыры адмовы выконваць работу, што прыніжае чалавека! І мне не вядомы яшчэ ні адзін выпадак апраўдання судом па артыкуле 411 КК.

Наогул, парушэнне правоў чалавека і здзекі ў беларускіх турмах дасягнулі такога размаху, што сталі сістэмай і звычайкай, пра іх можна пісаць не ліст, а кнігу! Але ў гэтым звароце я не магу ахапіць усё і засяроджуся толькі на артыкуле 411 КК.

Такую прастору для самавольства адміністрацыі турмаў і калоній ствараюць напісаныя ў МУС Правілы ўнутранага распарадку (ПУР), якія абавязаны выконваць кожны асуджаны. Аднак асуджаных не знаёмяць з ПУР цалкам, толькі часткова, матывуючы гэта тым, што ПУР «для службовага карыстання», што не перашкаджае адміністрацыі патрабаваць іх выканання ад асуджаных. Самі ПУР складзены такім чынам, каб пакараць можна было любога асуджанага ў любы момант за такія рэчы, як няголенасць, бруднае адзенне ці абутак, незашпілены гузік на каўняры, за тое, што няправільна павітаўся ці не павітаўся з прадстаўніком адміністрацыі, не ўстаў у яго прысутнасці і за многае іншае. Нярэдка акты аб парушэннях проста фальсіфікуюцца, і паспрабуй потым дакажы, што твой абутак на самай справе быў чысты! За падобныя «парушэнні» працягваюць трапляць у ШІЗА, ПКТ (памяшканне камернага тыпу), пазбаўляцца спатканняў з роднымі беларускія палітычныя зняволеныя:

Ігар Аліневіч⁵, Мікалай Статкевіч, Арцём Пракапенка, Яўген Васьковіч. Прычым строгага выканання ПУР патрабуюць выключна ад тых, хто неяк «вылучаецца»: ад палітычных зняволеных і тых, хто адважваецца гаварыць начальству пра свае правы. Астатнія жывуць больш-менш спакойна – пакуль маўчаць. Колькі разоў я назіраў прымяненне артыкула 411 КК, і заўсёды яно было помстай асуджанаму за нязломную волю, за адстойванне сваіх правоў і ніколі нічым іншым.

У афіцыйных выданнях чыноўнікі папраўчай (хоць правільней пісаць – карнай) сістэмы ўвесь час паўтараюць, што ўзялі лепшае ад савецкай папраўчай сістэмы. Гэта так, калі лепшым лічыць татальнае грэбаванне асобай, бязлітаснае падаўленне волі асуджаных, спрыянне падзелу іх на касты і ролі, выкарыстанне страху як адзінага метаду кіравання. Пры гэтым прэзідэнт Беларусі любіць паўтараць, што Беларусь – цэнтр Еўропы. Аднак чаму гэты «цэнтр» груба ігнаруе ўзятыя на сябе міжнародныя абавязацельствы – хоць бы Дэкларацыю правоў чалавека, якая гарантуе чалавеку павагу яго чалавечай годнасці, права

5 У тым варыянце, які надрукавала «Народная воля» і іншыя СМІ, тэкст майго звароту быў зменены. Невядомы цэнзар, што чытаў рукапісны арыгінал, замест пераліку «Ігар Аліневіч, Мікалай Статкевіч, Арцём Пракапенка, Яўген Васьковіч» пачаў спіс палітвязняў з Мікалая Статкевіча, а Ігара Аліневіча паставіў другім у спісе. Хаця, здавалася б, якая розніца? Дробязь, але як добра яна характэрызуе апазіцыйныя СМІ і палітыку як такую!

на гуманнае стаўленне да яго і справядлівы суд? У Беларусі асуджаны – бяспраўная і залежная істота, чый лёс цалкам утрымліваюць у сваіх руках чыноўнікі папраўчай установы і ДВП (Дэпартаменты выканання пакаранняў МУС). Захочуць – пасадзяць у ШІЗА, ПКТ, на турэмны рэжым, захочуць – знізяць статус асуджанага да таго, што ён перастане існаваць для іншых як асоба (для гэтых спраў ёсць лаяльныя адміністрацыі зняволеныя, якія выконваюць кожны загад), захочуць – дададуць тэрмін пакарання. Гэта пачуццё адчаю і бяспраўя цяжка перадаць – яго трэба перажыць самому.

Вядома, мне вельмі хацелася б крычаць на ўвесь свет аб несправядлівасці, якую здзейсніла і здзяйсняе са мной карная сістэма, але яшчэ больш я хачу стаць апошнім асуджаным па артыкуле 411 КК. Таму звяртаюся да міжнародных і беларускіх праваабарончых структур, да ўсіх зацікаўленых у захаванні правоў чалавека міжнародных арганізацый і да ўсіх неабыхавых людзей Беларусі з заклікам зрабіць усё магчымае для адмены артыкула 411 КК. Так, беларускае грамадства атамізаванае, скаванае страхам і канфармізмам, асобныя групы ў ім ледзь абараняюць свае эканамічныя правы, а тыя, хто спрабуе абараняць палітычныя правы, падвяргаюцца бясконцым рэпрэсіям. Аднак я перакананы, што беларусы павярнуць твары і зразумеюць: «той, хто памяняў сваю волю на бяспеку, не заслугоўвае ні першага, ні другога», калектыўная воля людзей можа прымусіць дзяржаўную

машыну прыслухацца да голасу розуму і пачаць выконваць свае міжнародныя абавязацельствы.

Безумоўна, увага ўсяго свету, і ў першую чаргу Еўропы, сёння прыкавана да Украіны, дзе людзі гінуць дзясяткамі і сотнямі, і ў параўнанні з гэтым здаецца, што пакуты нейкіх пяці палітычных зняволеных у адносна стабільнай і, галоўнае, мірнай Беларусі такія нязначныя, што не трэба аб іх казаць на ўсю краіну. Аднак узгадаем, што і падзеі ва Украіне пачаліся шмат у чым з-за адсутнасці ў аўтарытарнай улады павагі да чалавечай годнасці, з-за спроб навязаць грамадству жыццё ў страху і антыдэмакратычную сістэму каштоўнасцей. Тое ж мы назіраем і ў Беларусі, ці не праўда?

Таму я звяртаюся са сваім заклікам да вас і ўсіх, у каго ёсць сілы і магчымасць паўплываць на становішча, з надзеяй, што тое, што адбываецца са мной, болей не адбудзецца ні з кім у Беларусі.

Мікалай Дзядок
Турма № 4

Сакавік 2015 года»



КРАЙНЯЯ МЕРА

«А што гэта за парэзы ў цябе на руках? Хацеў скончыць жыццё самагубствам?» – задаюць мне пытанні час ад часу. Многія не разумеюць, навошта, седзячы ў турме, калечыць сябе і які з гэтага можа быць толк.

У турэмным этыкеце ёсць паняцце «крайнія меры». Да іх адносіцца галадоўка і членашкодніцтва. Згодна з нефармальнымі турэмнымі правіламі крайнія меры ўжываюцца ў трох выпадках: пагроза жыццю, пагроза здароўю і пагроза асабістай годнасці. Логіка такіх дзеянняў простая: ставячы сваё жыццё пад пагрозу, арыштант вымушае адміністрацыю шпіталізаваць сябе і тым самым часова пазбягае крытычнай для сябе сітуацыі, бо за памерлага зэка начальства можа «вздрыючыць» вертухая ці іншага супрацоўніка: даць вымову, пазбавіць прэміі, часам нават звольніць.

Менавіта пагроза здароўю і прывяла мяне ў 2015 годзе да крайніх мер. Адносіны з адміністрацыяй у ПК-9 (Горкі), куды мяне прывезлі пасля асуджэння па артыкуле 411 і дабаўлення дадатковага года зняволення, не склаліся з самага пачатку, што нядзіўна – не для таго мяне туды прывезлі, каб я спакойна адбываў тэрмін. Сярод зэкаў Горкі лічацца «прэс-калоніяй», дзе асуджаных, якія неяк вытыркаюцца з агульнай масы (палітычных, некіраваных крымінальных аўтарытэтаў, аматараў паскардзіцца на ўмовы ўтрымання) прэсуюць асабліва жорстка.

Не паспеў я прыехаць у калонію, як пачаліся прычэпкі: рана лёг у пасцель (за трыццаць хвілін да адбою), адмовіўся ад уборкі санвузла (гэта значыць не стаў рабіць «петушиную» работу), не так павітаўся і гэтак далей. «Десять суток ШИЗО», – толькі і чуў я ад начальніка калоніі. Але і ў ШІЗА ўсё было, мякка кажучы, не так гладка. Першы тэрмін я сядзеў з іншымі хлопцамі ў камеры, і ўжо там мяне ўразілі абыякавасць і цынiзм адміністрацыі ў дачыненні да ўсяго, што датычыцца патрэб арыштантаў. Я думаў, што пасля чатырох з паловай гадоў турмы мяне ўжо нічым нельга здзівіць. Аказалася, можна. Напрыклад, пасля першых дзесяць сутак ШІЗА дзяжурны афіцэр вывеў мяне не тады, калі ў мяне скончыўся тэрмін – каля дзевятнаццаці нуль-нуль, а амаль на тры гадзіны пазней. Колькі сядзеў у ШІЗА ў іншых установах – нідзе такога не было. На мае заўвагі кантралёру пра тое, што ў мяне ШІЗА ўжо скончылася, – ніякай рэакцыі. Такім чынам, я павінен быў дайсці да атрада, пагаліцца, памыцца (бо нічога гэтага рабіць у ШІЗА толкам немагчыма) і паспець усё гэта да адбою, які ў дваццаць два нуль-нуль. Калі б я не паспеў, на мяне б зранку абавязкова склалі акт за тое, што непаголены (не кажучы ўжо аб тым, што не надта прыемна класіся спаць не памыўшыся). Але я вырашыў, што чысціня важнейшая за рэжым, і з-за таго, што прыводзіў сябе ў парадак, пайшоў спаць трошкі пазней чым у дваццаць два нуль-нуль, чаго і чакалі кантралёры, якія праз пяць хвілін пасля адбою прыйшлі ў атрад і

склалі на мяне дакумент за «невыполнение команды “Отбой”». Вось вам і парушэнне, за якое зноў можна выпісаць новы тэрмін у ШІЗА! Такая нахабнасць мяне раз’юшыла. Мала таго, што пратрымалі ў ізалятары на тры гадзіны болей, чым маглі, дык яшчэ і наўмысна справакавалі на парушэнне!

Іншы непрыемны выпадак датычыўся горкаўскіх медыкаў. Згодна з законам, у ШІЗА двойчы ў дзень урач павінен рабіць абход, высвятляць, ці ўсе добра сябе адчуваюць. У ШІЗА ПК-9 урач рабіў адзін абход у дзень, і тое, акрамя нядзелі. Якраз у суботу, седзячы ў ШІЗА, я прастыў і на наступны дзень пачаў клікаць урача, каб хоць як дапамог, бо тэмпературыць і кашляць на дашчанай падлозе ў лёгкай робе – прыемнага мала. На ўсе мае просьбы ў кантралёра быў адзін адказ: «Врача нет, сегодня воскресенье!» Ды і зэкі пацвярджалі: па нядзелях урач не ходзіць. Але я ведаў, што гэта хлусня. У кожнай калоніі ў любы дзень тыдня і ў любую гадзіну часу ёсць дзяржурны ўрач, проста па скоцкай завядзёнцы гэтай устанавы яму лянота вылазіць са свайго кабінета ў санчасці і ісці цэлых пяцьсот метраў толькі дзеля таго, каб прынесці таблеткі нейкаму там зэку – ану ж, да заўтра не здохне!

Але нават усё гэта – недастатковая нагода для ўжыцця крайніх мер. Нагода з’явілася пасля таго, як мяне пасадзілі ў ШІЗА за адмову ад работы. На гэта раз пасадзілі аднаго, і ў даволі спецыфічную хату – яна знаходзілася ў метры ад «дзяжуркі» кантралёра.

Для лепшага кантролю як быццам. Але галоўнае тое, што хата была кутняя – знаходзілася на рагу барака. Звонку можа здацца: якая розніца? Камера і камера. Але сталы наведвальнік ШІЗА добра ведае, у чым розніца. Ведаюць гэта і мянты. Справа ў тым, што кутнія камеры – самыя сырыя і халодныя. У іх холадна нават летам, а пра зіму няма чаго і казаць⁶.

Калі тады, дзевятнацатага мая, мяне завялі ў камеру № 16, я адразу зачыніў акно, спадзеючыся, што да ночы «надыхаю» на больш-менш прымальную температуру. Але гэтыя спадзяванні не спраўдзіліся.

Далей пачалася самая цяжкая ноч у маім жыцці. Калі прыйшоў адбой і я прылёг на падлогу, то выявіў, што яна ніякая не дашчаная. Яна была настолькі халодная і цвёрдая, што мне спачатку падалося, што гэта бетон. Але, раскалупаўшы яе ў адным месцы, я зразумеў, што яна з ДСП, што ў сваю чаргу таксама парушэнне закону, бо згодна з рэгламентам усе падлогі ў ШІЗА і ПКТ павінны быць дашчанымі.

Першы «раўнд» сну цягнуўся ў мяне хвілін трыццаць. І ён жа быў самым доўгім. Далей у мяне не атрымлівалася паспаць больш чым пятнаццаць хвілін – не давала ўсёпранікальнае адчуванне холаду. У гэту

6 Якраз зімой у магілёўскай крытай мне давялося паўтара месца праседзець у камеры на рагу будынка. Дзякуючы сырасці на сценах з'яўляўся кандэнсат. Сцякаючы па сцяне ўніз, ён утвараў лядзяш у кутку камеры, які, калі яго не «ліквідаваць», вырастаў літаральна за дзень. Дваццаць чатыры гадзіны ў суткі мы жылі ў целагрэйках.

ноч я зразумеў, наколькі ўедлівым і бязлітасным ён можа быць: адбіраючы адну за адной долі градусаў цяпла ад вашага цела, ён прымушае розум не думаць больш ні аб чым, акрамя як аб тым, як сагрэцца. Дакучлівая думка стукае ў галаве, як дзяцел, які ніяк не скончыць сваю работу, адчуваецца, як вечна галодны драпежнік, якога няма чым накарміць. Холадна, вельмі холадна. Холадна рукам, холадна нагам, холадна спіне, холадна носу і вушам. Запраўленыя ў шкарпэткі штаны і запраўленая ў штаны роба ўжо даўно не дапамагаюць. Дзесьці ў сярэдзіне ночы перасталі дапамагаць і традыцыйныя «сагравалкі» – адцісканні і прысяданні. У арганізма ўжо не было ў запасе свабодных калорый, каб перапрацаваць іх на цяпло. Мала таго, пасля некалькіх соцень адцісканняў і прысяданняў, не заставалася ўжо і сіл, каб рабіць іх далей. Сітуацыя становілася ўсё больш безвыходнай. Бліжэй да ранку (як мне падавалася, бо гадзінніка, вядома, не было), пачаліся своеасаблівыя «сонныя галюцынацыі»: мне снілася, што я сплю ў сябе дома пад вялізнай цёплай коўдрай. Мне вельмі добра і камфортна, прыемна і лёгка... У галаве пралятае думка: і чаго гэта я турбаваўся, скакаў, адціскаўся і прысядаў, калі мне так добра спіцца? І тут мозг дае каманду на абуджэнне. Адкрываю вочы, і па ўсім целе праходзяць цяжкія і балючыя дрыжыкі: я нарэшце разумею, дзе я, і што зноў трэба ўставаць і спрабаваць выціснуць з сябе нейкія актыўныя рухі, каб павысіць тэмпературу цела і паспаць яшчэ хоць некалькі

хвілін. Атмасферу і агульнае ўражанне дапаўняла яркае электрычнае святло адразу дзвюх лямпачак з-пад столі. Свет у ШІЗА на ноч не выключаці, і я адчуваў сябе ў нейкай сумесі вар'яцкага дома і катальні.

Нарэшце прыйшла раніца. Пачеўшы, я спадзяваўся паспаць, каб хоць неяк «адбіць» гадзіны, не дабраныя за ноч, і прывесці сябе ў норму. Кантралёр, вядома, напісаў на мяне акт за гэта (за які мне пасля дадалі яшчэ колькі сутак), але мне было ўжо ўсё роўна.

Пасля ранішняй праверкі я прылёг на падлогу і зразумеў, што мае спадзяванні былі дачаснымі: нават дзённая тэмпература ў камеры не дазваляла паўнаватрасна спаць. Атрымліваецца, спаць нельга ні ўдзень ні ўначы... Я прыгадаў пакутлівую ноч і зразумеў, што ў мяне наперадзе яшчэ мінімум дзевяць такіх начэй, а хутчэй за ўсё больш, бо, бяспрэчна, начальнік зоны накіне яшчэ. І тады я зразумеў – трэба нешта рабіць.

Далей на працягу ўсяго дня я патрабаваў у ДПНК, які час ад часу прыходзіў у ШІЗА, пераводу ў іншую камеру. Аргументы: тэмпература ў ёй ніжэйшая, чым павінна быць згодна з заканадаўствам⁷, а падлога – ДСПшная, хаця павінна быць дашчаная, што таксама «не па законе». Але раз-поразу ён выслухоўваў і кідаў мне абыякавае «разберемся...» альбо «я уточню...», і

7 Унутранымі прававымі актамі МУС устаноўлена, што ў ШІЗА павінна быць не менш за васьмнаццаць градусаў.

сітуацыя не рухалася з месца. Я тым часам разумеў, што яшчэ дзевяць такіх начэй і выйсці з ШІЗА можна будзе з цэлым букетам захворванняў у дадатак да наяўных. Трэба выходзіць любымі метадамі. Я падрыхтаваў «мойку», якую пранёс з сабой у ШІЗА, нягледзячы на шмон (дзякуй парадам бывалых арыштантаў), пачаў складаць план. Першапачаткова ён быў такі: адразу пасля вячэрняй праверкі ўскрываю вены на абедзвюх руках і живот. Галоўным момантам тут было ўскрыцца як след, а не проста падрапацца: наглядзеўся я на такіх, хто «ўскрываўся», ледзь падрапаўшы рукі, мянты з іх толькі смяяліся: перабінтуюць проста ў камеры і нават не запытаюцца, чаго хацеў. Каб больш не мёрзнуць у гэтай хаце, трэба рэзацца ўсур’ез, але ў той жа час і не «перабраць», бо, парэзаўшыся занадта моцна, можна замёрзнуць ужо назаўсёды. Вырашыў так: спачатку дабіраюся да вен на руках, раблю кропкавыя надрэзы, кроў акуратна сцэджваю ў свой паўлітровы кубак, набіраю поўны (чалавек можа выжыць, страціўшы да паловы крыві, а ва мне – каля пяці літраў), пасля чаго выліваю яе пад дзверы камеры (адразу пасля праверкі там будзе ДПНК і кантралёр – заўважаць, нікуды не падзенуцца), а пасля ўскрываю живот (два пальцы ніжэй за пупок – так вучылі), пажадана да брушной поласці – тут ужо як болевы парог дазволіць.

У соты раз папрасіўшы перавесці мяне ў другую камеру, я зразумеў, што рабіць гэтага яны не будуць і што трэба пераходзіць да дзеянняў.

Планы з самага пачатку зблытаў нечаканы зрух у часе праверкі, у выніку чаго я вырашыў не чакаць і пачаў ускрывацца раней.

Схаваўся за «браню» (перагародка паміж прыбіральняй і астатняй хатай), каб мяне не было бачна з вочка, перахрысціўся, узяў «мойку» і нанёс першы парэз – па левай руцэ. Ці было страшна? Вядома, так. Але я разумеў, што і навошта раблю. Насуперак чаканню, кроў не пайшла фантанчыкам, замест гэтага выступіла некалькімі кроплямі, якія потым зліліся ў слабенькі ручаёк – я накапаў у кубак зусім нямнога. Тады пачаў наносіць па руцэ ўжо не проста парэзы, а парэзы-ўдары, каб тоненькае лязо «мойкі» ўвайшло як мага глыбей. Пару разоў біў лязом двойчы ў адзін і той жа парэз, каб яго пашырыць. Некаторыя парэзы атрымаліся даволі ўдалымі: добрыя паўсантыметра ў глыбіню і сантыметр у шырыню. Але крыві па-ранейшаму было вельмі мала. Можа, ад хвалявання яна адышла ад перыферыі цела ўнутр? Кажуць, ёсць такі біялагічны механізм прыстасавання да небяспекі... Тут каля маёй хаты пачалі таптацца лягавыя – праверка! Я схаваў рукі за спіну, выскачыў з-за «брані» і стаў навіццяжку, а-ля паслухмяны зэк. Зараз галоўнае, каб яны нічога не заўважылі – яшчэ рана!

– Добрый вечер, – кажа ДПНК.

– Добрый вечер. Дедок. Всё в порядке.

– Точно всё нормально? – у вачах мусара бачны недавер.

– Точно, – пасміхаюся.

Мусар падазрона аглядае камеру...

– А чого не по форме одежды? – пакуль яны заходзілі, я не паспеў надзець кліфт, стаяў у цішотцы.

– Да не успел надеть, вы так быстро зашли! – зноў пасміхаюся, а сам думаю: «Божа, толькі б кроплі на падлозе не заўважылі!»

Нарэшце дзверы зачыняюцца, і я ўнутрана смяюся з таго, як я іх правёў. Лашары!

Але тут мяне згубіла пільнасць кантралёра. Я адразу палез за «браню», а кантралёр, відаць, інтуітыўна адчуў нешта нядобрае і працягнуў глядзець у вочка замест таго, каб ісці да наступнай хаты. І, відавочна, убачыў ці то кроў, ці то маю руку, што вытыркалася з-за «брані». Крык за дзвярыма: «Он режется!!!», лічаныя секунды – мент адкрывае першы замок. Я разумею, што часу няма, перакладваю «мойку» ў другую руку і хутка, колькі ёсць сіл, паласую сябе ўжо па правай руцэ. Мент пачаў адкрываць другі замок, адкратаў. Як добра, што ён вінтавы! Гэта дае мне яшчэ пару секунд, я прыпускаю рызінку штаноў і з максімальна магчымым націскам праводжу сабе «мойкай» па жываце. Паспяваю зрабіць гэта тры разы, і лягавыя ўрываюцца ў камеру. Скідваю «мойку» ва ўмывальнік, ды так удала, што яна адразу трапляе ў зліў.

ДПНК і кантралёр стаяць, глядзяць. З абедзвюх рук і з жывата ў мяне цячэ кроў. Яны дастаюць кайданкі і закоўваюць мне рукі. Вядуць у прагулачны дворык – у той час там якраз ідзе прагулка. Я сяджу ў стане лёгкага шоку... Зараз галоўнае, каб выканалі патрабаванні.

Але шкадую, што ўсё адбылося не так, як я запланаваў. Ну ды ладна, што ўжо зробіш – як атрымалася, так атрымалася.

Праходзіць хвілін дзесяць. Размова двух вязняў (перакрыкваюцца з аднаго дворыка ў другі):

– Слушай, а что там за кипиш? Чего менты суетят-ся?

– А это Дедок вскрылся!

– Кто?

– Дедок!

– А кто это?

– Политический.

– Это я Дедок! – уступаю ў размову.

– Так а чего ты вскрылся?

Разгаварыліся з хлопцамі. Раствумаць ім сваё агульнае становішча ў гэтай калоніі, паслухаў іх парады...

Тут у мой дворык заходзіць «тройка»: начальнік аператыўнага аддзела, начальнік рэжымнага аддзела і начальнік медыцынскай часці. Рэжымнік просіць распрануцца – мяне пачынаюць шманаць. Усіх цікавіць толькі адно пытанне: як я пранёс «мойку»? Вядома, я ім гэтага не кажу. Пасля таго як яны прамацалі ўсё, ажно да рызінкі на маіх трусах, паглядзелі на мае пяты (раптам там нешта прылеплена), каб пераканацца, што болей «моек» у мяне няма, і толькі потым задалі пытанне: у чым прычына майго ўчынку?

І мяне прарвала: у эмацыянальнай форме пераказаў ім, што з выкананнем КДБшных загадаў яны

відавочна перастараліся, і агучыў сваё патрабаванне: перавесці мяне ў любую іншую камеру. Яны паслухалі. Опер папрасіў усіх выйсці і скамандаваў зняць з мяне кайданкі. Мы засталіся з ім сам-насам. Дзверы дворыка зачыніліся, і ён раздражнёна пытае мяне:

– Чего ты хочеш? – згодна са сваёй сутнасцю опера ён не верыць, што мае патрабаванні тыя, якія я агучыў, думае, што трымаю на розуме нешта іншае.

Такое пытанне спачатку мяне трохі бянтэжыць.

– Чего я хочу, я вам не скажу, потому что вы тогда сделаете всё, чтобы я этого не получил, – быў мой адказ. Не бачыў сэнсу ў яго яшчэ нечага прасіць – усё роўна добрых умоў утрымання мне ў гэтай зоне не дачакацца.

Выслухаў ад опера шматслоўныя паўнамёкі, тыпу: «Разве ты не понимаешь, кто ты?» (маўляў, будзем цябе прэсаваць у любым выпадку), «Есть определённые правила игры...» (што ён хацеў гэтым сказаць, я дагэтуль не зразумеў), а таксама спробы пераканаць мяне жыць па іх правілах – опер даводзіў, што ў іх нават былы злодзей у законе Галей – «уважаемый человек!» – ходзіць на прамзону і працуе. Цвёрдага абяцання перавесці мяне ў іншую хату я ад яго так і не пачуў.

Нарэшце мяне павялі да ўрача. Пааддзіралі ад рук і ад жывата тканіну адзення, якая ўжо амаль прысохла, а потым раіліся, зашываць парэзы ці дастаткова будзе перабінтаваць. Вырашылі перабінтоўваць – так здарэнне можна будзе кваліфікаваць як лёгкі інцыдэнт, бо калі б мяне зашывалі, гэта казалася б аб тым,

што раны сур'ёзныя. А гэта было нявыгадна мясцоваму начальству, якое, як я потым даведаўся, дакладвала аб сітуацыі на самы верх – да міністра МУС.

Пасля перавязкі мяне павялі ў камеру... Тую ж самую. І тут я зрабіў яшчэ адну памылку. Замест таго каб усімі сіламі ўпірацца і не ісці туды, я паверыў ДПНК, які сказаў, што пытанне аб маім пераводзе ў іншую камеру «вырашаецца». Камера была перавернутая ўверх дном: усе мае нямногія рэчы ператрэслі, вывернулі смеццевае ядро – проста на падлогу. Шукалі «мойку». Было каля дзевятнаццаці гадзін вечара...

Прыкладна кожныя паўгадзіны я пачынаў малаціць у дзверы і пытацца, чаму мяне не пераводзяць. Мяне кармілі абяцанкамі, што «вось-вось». Але, калі пачаў надыходзіць адбой, я зразумеў, што мяне падманулі: вырашылі пайсці на прынцып, маўляў, «ён да нас з ультыматумам, тады і мы не саступім».

На такі выпадак у мяне быў «План Б».

У шаснацатай камеры да мяне сядзеў былы злодзей у законе Дзіма Галееў («Галей»), якога, каб пасадзіць у беларускую турму, экстрадыравалі са Швецыі – МУС нешта хацела ад яго ў сваіх крымінальных гульнях. Як вынік, камера была забіта рознымі рэчамі, якіх звычайна ў ШІЗА не бывае. Адну з іх я запымеціў з самага пачатку – каля прыбіральні стаяла нейкая выгнутая палка незразумелага паходжання і прызначэння (хутчэй за ўсё для таго, каб «срабатоваться» праз каналізацыю паміж камерамі). Я ўзяў анучу і закрыў вочка на дзвярах, каб кантралёр не бачыў, што

я раблю. Узяў палку і прасунуў яе ў краты, што абкружалі лямпачку пад столлю. З яе дапамогай я спадзяваўся разбіць лямпачку, асколкам шкла ўскрыцца ў другі раз і парэзаць ногі – там вен болей, і месцяцца яны больш шчыльна, на гэты раз дакладна шпіталізуюць, нікуды не дзенуцца! Пасля некалькіх удараў лямпачка пачала разгойдвацца (яна вісела на провадзе), але біцца не спяшалася. Удар аб краты, другі – яна звініць, але па-ранейшаму не б'ецца. Размахнуцца палкай таксама не атрымаецца – яна абмежаваная «квadrатам» сталёвых прутоў, у які я яе прасунуў. Прыбгае ДПНК і з крыкам «Баян качает! Открывай двери!» загадвае кантралёру адчыняць дзверы. Афіцэр і два кантралёры залятаюць у камеру і хутка разумеюць, што я задумаў. Хапаюць мяне за рукі і ставяць да сцяны. Ад злосці на іх падман і на тое, што мой план зноў не ўдаўся, я ўжо дрэнна сябе кантралюю: пачынаю крычаць на іх і пагражаць усімі смяротнымі карамі. ДПНК камандуе: «Доставай наручники!» Дастаюць кайданкі і спрабуюць мяне скруціць. Я супраціўляюся, як магу. Але іх трое. Літаральна ўбіваюць мае рукі ў кайданкі: у ходзе барацьбы ўсе свежыя перавязкі пазлазілі, зноў пайшла кроў. ДПНК хоча прышпіліць мяне кайданкамі да металічнай табурэткі. Вострых прадметаў у камеры няма, але нават калі б і былі, я разумею, што, прышпілены кайданкамі, я да іх не дацягнуся, таму вымушаны паабяцаць яму не ўскрывацца.

Лягавыя сыходзяць, пакідаючы мяне ў камеры ў кайданках. Прайгрыны бой, але не вайна. Праз паўгадзіны

прыходзіць урач і перавязвае мяне па новай. Адбой прайшоў, і я кладуся спаць, як ёсць, «закаваны». Праз нейкі час мянты заходзяць і здымаюць «бранзалеты».

У тую ноч я зноў спаў вельмі цяжка – акрамя холаду, нагадваў аб сабе боль. Ды і з парэзанымі рукамі не надта паадціскаешся. Але прырода зрабіла мне падарунак – ужо на наступны дзень на вуліцы істотна пацяплела, і астатні свой тэрмін у ШІЗА я правёў больш-менш ніштавата.

А праз пару тыдняў мне паставілі яшчэ адзін прафілактычны ўлік. Акрамя прафуліку па катэгорыі «склонен к захвату заложников» я стаў «склонен к суіцыду». Лухта, вядома, калі б хацеў забіць сябе, то рэзаў бы вены ўздоўж, а не ўпоперак.

На наступны дзень гісторыя атрымала працяг: у ШІЗА закрылі «смотрящего» за зонай і ягонага памагатага, а па ўсім бараку ШІЗА/ПКТ правялі капітальны шмон, выкідаючы няхітрыя «запрещённые предметы» арыштантаў: таблеткі, часопісы, «лішняе» адзенне, ніткі, канацікі і падобнае, пры гэтым не забываючы даводзіць: гэта з-за таго, што «политический вскрылся». Такім простым метадам мянты нацкоўвалі вязняў на мяне.

* * *

Якая ва ўсім гэтым мараль? Мараль тут толькі адна: калі ідзеш у ШІЗА, бяры з сабой дзве «мойкі».



ЗАКАНЧЭННЕ

Ці шкадую я аб тым, што адбылося? Сёння, як мінуў час, можна адказаць на гэта пытанне адназначна: не. Я ні аб чым не шкадую. І калі б можна было павярнуць час назад, тады, на першых допытах, дзе вызначыўся мой лёс, я зрабіў бы ўсё гэтак сама.

Я абавязаны турме многім. Для тых, хто ставіць перад сабой мэту самаўдасканалення, турма – сапраўдная школа барацьбы са сваімі слабасцямі, школа разумення чалавечай псіхалогіі, школа пазнання меж сваіх магчымасцей, прасцей кажучы – школа жыцця. Такой яна стала і для мяне. Да таго ж, калі быць шчырым – сядзець у турме і трымаць пакуты няцяжка, калі ведаеш, чаму і навошта ты сядзіш. Не за тое, каб прывесці да ўлады новага прэзідэнта, а потым скардзіцца, што ён здрадзіў народу, не за тое, каб дзяржава змяніла прарасейскую бюракратыю на празаходнюю, не за тое, каб працоўныя беларускіх прадпрыемстваў змянілі гаспадара з дзяржаўнага на прыватнага, і не за тое, каб справаводства ў карных установах КДБ і МУС замест рускамоўнага стала беларускамоўным, а дзеля таго, каб унесці свой, хай і мізэрна малы, унёсак у пабудову грамадства, у якім адна чалавечая асоба ніколі не будзе пазбаўляць волі, правоў і чалавечай годнасці іншую.

Анархісцкі лад, у якім знікнуць самі перадумовы для структурнай няроўнасці, забабонаў, іерархіі і эксплуатацыі чалавека чалавекам, саступіўшы месца

роўнасці розных, талерантнасці, сапраўднай – прамой – дэмакратыі і вызваленню ад любога прыгнёту, многім здаецца ўтопіяй. Асабліва ў давядзенні «ўтапічнасці» анархізму ўпарцяцца дзяржаўныя прапагандысты. Але як па мне, то толькі такая мэта, як дасягненне гэтага ладу, можа стаць годнай прычынай для таго, каб паставіць на кон сваю свабоду, здароўе і нават жыццё. Усе астатнія мэты, кшталту пералічаных вышэй, – гэта паўмеры, якія вядуць да касметычнага рамонту Сістэмы, якая працягне ствараць вязняў і наглядчыкаў, эксплуатацараў і эксплуатаемых, гаспадароў і халопаў. Сутнасць застанеца, зменіцца толькі фасад.

Сядзець за ідэю няцяжка, калі прыгадаеш барацьбітоў мінулага. Народнікаў царскай Расіі літаральна хавалі жыўцом у каменных сутарэннях турмаў – яны праводзілі там дзесяцігоддзі, і далёка не ўсе выходзілі жывымі. Белагвардзейцы ў грамадзянскую вайну смажылі на металічных лістах анархістаў-махноўцаў, захопленых у палон. У 1906 годзе дваццацідвухгадовую эсэрку Марыю Спірыдонаву, што страляла ва ўтаймавацеля сялянскіх паўстанняў, пры затрыманні збілі і згвалтавалі, а потым прысудзілі да пажыццёвай катаргі. У 1941 годзе венгерскіх анархістаў – «Гайдучоў Катоўскага», што сталі на абарону яўрэйскіх кварталаў ад пагромаў, – легіянеры, катуючы, забівалі на бойні, падвесіўшы на крукі для туш. Памяць пра тых, хто перажыў нашмат больш цяжкія выпрабаванні, чым ты, не давала ўпасці духам і знізіць патрабаванні

да сябе. Яшчэ і таму не варта лічыць, што ты – адзіны ў свеце пакутнік за справядлівасць і пераацэньваць сваю ролю ў гэтай вайне.

У адным з твораў Карласа Кастанеды Дон Хуан кажа свайму вучню: «Галоўная перашкода на шляху воіна – лічыць сябе цэнтрам Сусвету». Сапраўды, свядомасць нас падманвае, прымушаючы ў пэўныя моманты адчуваць толькі свой боль і толькі свае цяжкасці. Прыроджаны эганцэнтрызм падштурхоўвае нас да таго, каб лічыць сябе нейкім унікумам, вартым вялікага спачування, учынкі якога – найгалоўнейшыя, а пакуты – найцяжэйшыя. Але гэта не так. Ты – толькі звяно ў ланцужку тысяч і мільёнаў, якія пакутавалі да цябе: у іх таксама былі сем’і, сябры, яны таксама хацелі дыхаць вольным паветрам і бавіць час з сябрамі замест сядзення ў сырых казематах. Твой боль нічым не большы за іхні. Гэта натхняе, бо дае табе, без перабольшванняў, прыналежнасць да Гісторыі, і гэта ж прымушае больш крытычна і патрабавальна ставіцца да сябе самога: пачынаеш разумець, што ў маштабах планеты ты толькі цагліна, якая мусіць быць скарыстаная Гісторыяй для будоўлі новага свету...

Мы ведаем, хто мы. І мы ведаем, чаго хочам. Няхай марыянеткі ва ўладзе прыдумляюць новыя метады барацьбы з «экстрэмізмам» і думаюць, што б яшчэ забараніць, няхай чэкісты піляць дзяржбюджэт, закупаючы новую апаратуру для кантролю за намі, няхай мянты запалохваюць нас сваімі вадамётамі,

газавымі гранатамі і спецназамі, няхай ліюць бруд на нас з экранаў зомбаскрыні – мы ўсё роўна будзем ісці наперад, трымаючы за рукі ўсіх тых, хто ішоў па гэтым шляху да нас.

Бо толькі ў гэтым жыццё, і сэнс, і праўда.

Блогі аўтара:

Фэйсбук: facebook.com/happymikola

Укантакце: vk.com/mikola_dziadok

Некарпаратыўная платформа: mikola.noblogs.org

Кантакт з аўтарам: mikola@riseup.net

Книга выпущена под лицензией
Creative Commons (CC BY-NC 4.0)

«Attribution — NonCommercial»

«Атрибуция — Некоммерческое использование»

